

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**Қазақстан мен Ресейдің екіжақты саяси
және экономикалық қарым-қатынастары**

ҚСЗИ — ӘӘХҚИ
VII ғылыми-тәжірибелік конференциясы

**Двусторонние политические и экономические
отношения Казахстана и России**

VII научно-практическая конференция
КИСИ — ИМЭМО

Алматы 2013

УДК 327 (574)
ББК 66.3 (5 Каз)
Д 25

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте РК*

Редакционная коллегия:

Б.К. Султанов, Г.И. Чуфрин (ответственные редакторы),
Л.М. Музапарова, Д.Ш. Мухамеджанова, Б.Р. Сырлыбаева,
А.А. Арзикулов (ответственный за выпуск)

Д 25 **Двусторонние политические и экономические отношения Казахстана и России:** материалы VII научно-практической конференции КИСИ — ИМЭМО (г. Москва, 29 ноября 2013 г.) / Под общ. ред. Б.К. Султанова. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. — 164 с.

ISBN 978-601-7242-88-6

VII научно-практическая конференция КИСИ — ИМЭМО «Двусторонние политические и экономические отношения Казахстана и России» была организована в г. Москве Институтом мировой экономики и международных отношений РАН совместно с Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте РК.

В сборник включены доклады участников конференции, в которых рассматривается роль Казахстана и России в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также вопросы казахстанско-российского сотрудничества по обеспечению мира и безопасности в Центральной Азии.

Сборник предназначен для экономистов, политологов, историков, государственных служащих, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей.

**Издание не предназначено для продажи
и распространяется бесплатно**

УДК 327 (574)
ББК 66.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-7242-88-6

© КИСИ при Президенте РК, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово А.А. Дынкина	5
Приветственное слово Б.К. Султанова	8
Приветственное слово Э.М. Якубаева	12
Приветственное слово В.И. Спринчана	16

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Чуфрин Г.И. Евразийская интеграция: первые итоги и новые вызовы.....	20
Башмаков А.А. Казахстан и Россия — пассионарное ядро евразийской экономической интеграции	32
Михеев В.В. Отношения России и Китая в Центральной Азии	41

СЕССИЯ I РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РОЛЬ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Кузнецов А.В. Взаимные прямые инвестиции России и Казахстана	48
Мухамеджанова Д.Ш. Концептуальные вопросы евразийской экономической интеграции: взгляд из Казахстана	54
Рахматулина Г.Г. Взаимодействие государств ТС и ЕЭП в экономической и финансовой сферах — важнейший фактор их устойчивого развития	64

Додонов В.Ю. Перспективные направления и инструменты антикризисного сотрудничества Казахстана и России в контексте интеграции финансовой сферы ЕЭП.....	77
Рогожина Н.Г. Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии.....	99
Притчин С.А. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: положение и перспективы.....	114

**СЕССИЯ II
СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И РОССИИ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Султанов Б.К. Сравнительный анализ угроз для Казахстана и стран Центральной Азии с учетом меняющейся ситуации в Афганистане	120
Мальшева Д.Б. Безопасность Центральной Азии в контексте новых международных вызовов	128
Белокреницкий В.Я. Ситуация в Афганистане и ее влияние на безопасность в Центральной Азии	137
Грозин А.В. Российско-казахстанское оборонное партнерство: путь к стабильности в Центральной Азии	145
Сведения об авторах	156
ҚСЗИ туралы ақпарат	158
Информация о КИСИ.....	160
Information about the KazISS.....	162

**Вступительное слово
директора ИМЭМО РАН
академика А.А. Дынкина**

*Уважаемый Булат Клычбаевич!
Уважаемые казахстанские и российские
участники конференции!*

Приветствую всех вас в связи с началом работы VII научно-практической конференции ИМЭМО — КИСИ, посвященной анализу современного состояния и перспектив развития двусторонних политических и экономических отношений между Россией и Казахстаном.

В задачу ИМЭМО и КИСИ, по праву являющихся ведущими исследовательскими организациями России и Казахстана в этой сфере, входит не только выявление господствующих тенденций в отношениях между нашими странами и не только пропаганда имеющихся достижений и успехов в их развитии, но и анализ сложностей и нерешенных проблем и, как результат, выработка глубоких, научно обоснованных рекомендаций, в том числе в адрес законодательных и исполнительных органов власти в наших странах, направленных на устранение существующих проблем, дальнейшее совершенствование и развитие двусторонних связей.

Наши институты тесно сотрудничают на этом поприще уже не первый год и результаты предыдущей совместной научно-практической конференции, которая также была посвящена основополагающим вопросам российско-казахстанских двусторонних отношений, вызвали серьезный интерес в политических и деловых кругах наших стран.

Мы рассчитываем на то, что и сегодняшняя конференция, которая посвящена как экономическим, так и политическим

аспектам стратегического партнерства между нашими странами, также оправдывает возлагаемые на нее ожидания.

Речь идет, в частности, об углубленном анализе процесса евразийской интеграции и роли в его развитии как России, так и Казахстана. Особого внимания заслуживает при этом рассмотрение различных аспектов интеграционных мероприятий, достижений и неудач в их реализации, разработка конкретных рекомендаций в адрес правительственных органов России и Казахстана, а также Евразийской экономической комиссии.

Как следует из повестки дня нашей конференции, предстоит обсудить не только общие концептуальные вопросы евразийской экономической интеграции, но и вполне конкретные проблемы, связанные с инвестиционными процессами, приграничным сотрудничеством, формированием общего финансового рынка.

Особый интерес, полагаю, вызовет обсуждение взаимоотношений, складывающихся между непосредственными участниками евразийской экономической интеграции и их деловыми партнерами из третьих стран.

Традиционно важным направлением в российско-казахстанских межгосударственных отношениях является укрепление взаимодействия между нашими странами по обеспечению мира и безопасности в Центральной Азии. Эта проблематика приобретает особую актуальность накануне вывода вооруженных сил международной коалиции из Афганистана. В регионе складывается новая геополитическая ситуация и нашим странам предстоит выработать эффективные методы реагирования на нее.

Важно также определить, какие факторы внутреннего развития наших стран оказывают дестабилизирующее воздействие на их национальную безопасность и, соответственно, какие меры необходимо применить для того, что-

бы устранить или существенно ослабить такие негативные явления.

Одним словом, предстоит интересная дискуссия по весьма актуальной проблематике, и разрешите от всей души пожелать участникам конференции плодотворной работы и получения весомых результатов.

**Приветственное слово
директора КИСИ при Президенте РК
Б.К. Султанова**

*Уважаемый Александр Александрович!
Уважаемые коллеги!*

Мы очень рады принять участие в очередной конференции КИСИ — ИМЭМО, посвященной вопросам углубления двустороннего экономического и политического сотрудничества. Вот уже в седьмой раз мы собираемся для обсуждения этих актуальных проблем и, как видим, многое за это время изменилось в положительную сторону. Так, в частности, наши страны вышли за рамки двустороннего сотрудничества на устойчивый уровень евразийского экономического сотрудничества. В этом, как нам представляется, есть и частичка нашего скромного научного и аналитическо-экспертного труда.

Уважаемые участники конференции!

Курс на евразийскую экономическую интеграцию является одним из ключевых направлений современной внешней политики Казахстана. Будучи инициатором и активным проводником создания Евразийского экономического союза, Казахстан всецело поддерживает усилия России и Беларуси по развитию и углублению этого интеграционного проекта.

В Стратегии «Казахстан-2050» в качестве одного из ведущих приоритетов внешней политики нашей страны указано укрепление Таможенного союза и Единого экономического пространства, а ближайшей целью в этом направлении

предусматривается создание Евразийского экономического союза [1].

Выступая 2 сентября текущего года на открытии третьей сессии Парламента РК пятого созыва, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев указал, что в 2014 году будет завершена разработка основного пакета базовых соглашений нового уровня евразийской интеграции [2].

Вместе с тем первые годы функционирования Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) показали, что в интеграционном процессе для Казахстана наряду с плюсами имеются и минусы. На это обратил внимание Президент РК Н.А. Назарбаев, призвав на заседании Высшего евразийского экономического совета (г. Минск, 25 октября с.г.) уделить особое внимание исправлению недостатков в первую очередь в сфере роста внешнеторговых диспропорций. В частности, Глава Казахстана заявил о серьезных трудностях для доступа казахстанской продукции на рынки России и Беларуси, использующих нетарифные и технические барьеры, завышенные санитарные и фитосанитарные нормы, меры по сертификации, лицензированию и квотированию, требования по унификации технических регламентов. В этой связи казахстанский Президент подверг острой критике Таможенный кодекс ТС, обратив внимание на необходимость его либерализации и максимального упрощения таможенных процедур на внешних границах [3].

Действительно, наблюдавшийся первоначально резкий количественный рост казахстанского экспорта в Россию и Беларусь стал частью увеличения экспорта по всем направлениям, который произошел во многом благодаря восстановлению спроса в мировой экономике. Но при этом не изменились ни географическая, ни номенклатурная структуры экспортных поставок Казахстана, основу которых, как и прежде, составляют сырье и обработанная продукция про-

межуточного цикла. Так, при росте взаимной торговли Казахстана со странами ТС в январе — сентябре 2013 г. на 1,8% (в 2012 г. — 17 млрд 381,1 млн долл. США; в 2013 г., соответственно, 17 млрд 692,3 млн долл. США) казахстанский экспорт уменьшился на 4,1%, а импорт увеличился на 4,0%.

При этом в структуре экспорта Казахстана преобладают минеральные продукты (40,6% к общему объему экспорта в страны ТС), металлы и изделия из них (24,8%), продукция химической промышленности (14,3%), в то время как из России и Беларуси наряду с минеральными продуктами (27,4% к общему объему импорта из стран ТС) завозятся машины и оборудование (23,3%), металлы и изделия из них (16,5%), продукция химической промышленности (11,9%), продукция животного и растительного происхождения, готовые продовольственные товары (10,5%) [4].

Казахстан также выступает против ускоренного вступления в Евразийский экономический союз третьих государств без проработки всех необходимых подготовительных вопросов и осуществления необходимых процедур. В частности, на вышеназванном минском заседании Высшего евразийского экономического совета Глава Казахстана отметил, что расширение ТС и ЕЭП должно осуществляться по единым для всех правилам. Поэтому, приветствуя соответствующие намерения Кыргызстана и Армении, казахстанская сторона полагает, что вступление этих государств должно происходить по общим процедурам, согласованным и зафиксированным в договоре [5].

Уважаемые дамы и господа!

Через две недели в Екатеринбурге состоится X Форум межрегионального сотрудничества Казахстана и России с участием глав наших государств, на котором планируется

подписание важного межгосударственного Договора о добрососедстве и сотрудничестве в XXI в., который закрепит основные принципы нашего стратегического партнерства на несколько десятилетий.

Поэтому мы полагаем, что тот рабочий настрой, который придали главы наших союзных государств на минском заседании Высшего евразийского экономического совета, требует и от участников сегодняшнего форума сосредоточить главное внимание на вопросах, требующих безотлагательных решений и выработки соответствующих рекомендаций для правительств наших стран.

Разрешите пожелать всем участникам сегодняшнего форума успешной работы и плодотворных дискуссий.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана (г. Астана, 14 декабря 2012 г.) // <http://www.akorda.kz>.
2. Назарбаев Н.А. Выступление на открытии третьей сессии Парламента РК пятого созыва (г. Астана, 2 сентября 2013 г.) // <http://www.akorda.kz>.
3. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев принял активное участие в заседании Высшего евразийского экономического совета в Минске // <http://www.nomad.su>. — 2013, 25 октября.
4. Агентство Республики Казахстан по статистике // stat.kz. — 2013, 12 ноября.
5. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев принял активное участие в заседании Высшего евразийского экономического совета...

**Приветственное слово
советника-посланника Посольства РК
в Российской Федерации
Э.М. Якубаева**

*Уважаемый Александр Александрович!
Уважаемый Булат Клычбаевич!
Дорогие коллеги и друзья!*

Рад приветствовать участников VII научно-практической конференции «Двусторонние политические и экономические отношения России и Казахстана», организованной Институтом мировой экономики и международных отношений Российской академии наук и Казахстанским институтом стратегических исследований. Тема актуальная, с учетом географии, уровня наших отношений и совместных целей. Эта тема будет в обозримом будущем оставаться таковой.

В этом контексте хотел бы отметить, что подходы наших стран к большинству ключевых проблем современного мира совпадают или весьма близки. Это касается, в частности, формирования мультиполярной международной системы, которая должна отражать культурно-цивилизационное многообразие современного мира. Казахстан и Россия последовательно выступают за продвижение в международных отношениях принципов верховенства права. Мы — за активизацию коллективных усилий по поиску ответов на глобальные вызовы, включая преодоление мирового экономического кризиса, обеспечение безопасности и стабильности на евразийском пространстве, противодействие терроризму и экстремизму. Практическим подтверждением взаимодействия Казахстана и России является совместное сотрудничество в рамках Таможенного союза, участие в формировании Едино-

го экономического пространства, партнерство по Организации договора о коллективной безопасности.

В настоящее время завершается работа над окончательным вариантом Договора о добрососедстве и союзничестве России и Казахстана в XXI в., который планируется подписать буквально через две недели на X Форуме межрегионального сотрудничества в Екатеринбурге. Договор ориентирован в будущее и призван вывести сотрудничество между нашими странами на качественно новый уровень с учетом современных реалий и достигнутых договоренностей по дальнейшему развитию экономической интеграции в контексте работы по созданию Евразийского экономического союза.

Экономическая составляющая казахстанско-российских отношений является тем фундаментом двустороннего взаимодействия, который определяет содержание, полноту и уровень контактов и сотрудничества, содействует укреплению деловых и гуманитарных связей.

Россия — наш основной торгово-экономический партнер, на ее долю приходится 17% внешнеторгового оборота Казахстана. Ее удельный вес в общем объеме товарооборота Казахстана по итогам 2012 г. составил около 20%.

Двусторонний товарооборот по итогам 2012 г. между РК и РФ составил 23,86 млрд долл. США и по сравнению с 2011 г. вырос на 6,8%. За восемь месяцев 2013 г. (январь — август) товарооборот составил 15,2 млрд долл. (17,7% в общем объеме внешней торговли РК) и по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. вырос на 3,6%.

Полагаю важным отметить, что около 70% общего объема товарооборота Казахстана и России формируют межрегиональная и приграничная торговля. Более 70 российских регионов активно взаимодействуют с казахстанскими партнерами. Осуществляется активный обмен визитами делегаций местных администраций и деловых кругов РК и РФ. Между

регионами Казахстана и России заключено более 200 соглашений о сотрудничестве в различных областях.

Как я отмечал ранее, 11 ноября пройдет десятый по счету, юбилейный, Форум межрегионального сотрудничества. Регулярное ежегодное проведение этих форумов и, что очень важно, личное участие президентов Казахстана и России свидетельствуют о большом стремлении наших народов к эффективному сотрудничеству. На IX Павлодарском форуме в сентябре прошлого года по инициативе глав государств Казахстана и России было решено придать новый импульс модернизации экономик двух стран через промышленную кооперацию.

Полагаю, что в ноябре текущего года в Екатеринбурге эта тема получит еще большее развитие.

В этом контексте хотел бы отметить высокий уровень и потенциал приграничной торговли между нашими странами, охватывающие 12 российских регионов и семь областей Казахстана с населением более 32 млн человек. Их совокупный ВВП превышает 300 млрд долл. США.

Динамично развивается сотрудничество в топливно-энергетическом комплексе. В нефтегазовом секторе продолжается сотрудничество в области разведки, добычи, транспортировки казахстанских углеводородов на мировой рынок.

В рамках актуализированной Комплексной программы сотрудничества в области мирного использования атомной энергии продолжается создание КазРосЦентра по обогащению урана на базе Уральского электрохимического комбината (УЭХК).

Разработана программа казахстанско-российского сотрудничества в области науки и новых технологий. При участии АО «Казына Капитал Менеджмент» и ОАО «Роснано» создан совместный фонд нанотехнологий объемом 100 млн долл. США. Фондом рассмотрено более 200 проектов.

Осуществляется совместная деятельность по развитию транзитно-транспортного потенциала в части реализации проектов транспортных коридоров: «Западная Европа — Западный Китай», «Север — Юг», «Запад — Восток» и др. В связи с формированием Таможенного союза и Единого экономического пространства создаются благоприятные тарифные условия для пользования услугами железнодорожного транспорта и транспортировки грузов по его территории, в том числе в двустороннем формате.

Уважаемые участники конференции!

Казахстанско-российские отношения основаны на многовековых традициях добрососедства, дружбы и взаимной помощи двух братских народов.

Уверен, что подобные ежегодные конференции являются прекрасной возможностью для укрепления и поиска новых форм сотрудничества наших стран.

**Приветственное слово
заместителя директора Третьего
департамента стран СНГ МИД РФ
В.И. Спринчана**

Уважаемые участники конференции!

От имени Министерства иностранных дел Российской Федерации приветствую участников сегодняшней научно-практической конференции. Тема нашей встречи как никогда актуальна, поскольку Россия и Казахстан в настоящее время являются наиболее близкими стратегическими партнерами и союзниками как в двустороннем плане, так и в процессе активизации евразийской интеграции.

В первую очередь хотел бы подчеркнуть, что интенсивные политические контакты между двумя нашими странами на всех уровнях эффективно продвигают российско-казахстанский диалог: в текущем году состоялось четыре встречи президентов России и Казахстана (это те, на которых прошли переговоры), две встречи руководителей правительств наших стран, по линии внешнеполитических ведомств в 2013 г. состоялся обмен официальными визитами, также в нынешнем году активно продолжалось взаимодействие парламентов двух стран.

Динамично развиваются экономические связи. Показатели текущего года демонстрируют хорошее развитие. В январе — августе 2013 г. объем взаимной торговли по сравнению с январем — августом 2012 г. увеличился на 15,8% и составил 17,9 млрд долл. США. Российские поставки возросли на 13,5% (до 11,3 млрд долл. США), импорт — 20,0% (составляет 6,7 млрд долл. США) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

В настоящее время мы находимся на этапе, когда возникла необходимость зафиксировать в межгосударственном договоре новые реалии, фактически давно уже существующие в наших двусторонних отношениях. Практически завершена работа по подготовке к подписанию нового Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке. Этот документ будет действовать параллельно с базовым Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 25 мая 1992 г. Вместе с тем новый договор отличает актуализированное наполнение, адаптированное к условиям евразийской интеграции, возникшим в последние годы новым вызовам и угрозам для их совместного отражения. Договор закрепляет движение России и Казахстана к дальнейшему укреплению стратегического партнерства и союзничества в целях полной реализации возможностей в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, совершенствования договорно-правовой базы и институтов межгосударственной интеграции, создания благоприятных условий для укрепления связей между регионами двух стран. В нем отражаются совместные договоренности и международные обязательства в рамках Таможенного союза, Единого экономического пространства, Организации договора о коллективной безопасности, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического сообщества, Шанхайской организации сотрудничества, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

Документ содержит положения, позволяющие развивать не только традиционные, но и новые, наукоемкие формы сотрудничества наших государств: атомную и электроэнергетику, транспорт и коммуникации, исследования и использование космического пространства в мирных целях, осу-

ществление программ и разработок, в том числе в сфере нанотехнологий, нанопродуктов и других инновационных технологий, совместные действия по охране и улучшению здоровья населения (в рамках согласованной социальной политики), сотрудничество в области охраны окружающей среды, включая реализацию энерго-экологической стратегии и трансферт зеленых технологий.

И, конечно, договор обеспечивает защиту этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности национальных меньшинств и этнических групп, проживающих на территориях России и Казахстана. Стороны обязуются поддерживать культурно-просветительскую и информационную работу среди диаспор друг друга, а также сохранять духовную близость народов двух стран, обеспечивая условия для укрепления единого культурного пространства.

Весьма эффективно развиваются связи между регионами наших стран. Десять лет назад был дан старт форумам межрегионального сотрудничества России и Казахстана с участием глав государств. Поначалу он был задуман в формате приграничного взаимодействия для облегчения торгово-экономических контактов госорганов и жителей, проживающих непосредственно в приграничье. Сейчас он трансформировался в форум межрегионального взаимодействия, открывая широкие возможности как для реализации различных кросс-граничных проектов, так и взаимодействия остальных регионов России и Казахстана. Как известно, в целом 76 субъектов Российской Федерации имеют торгово-экономические связи с казахстанскими партнерами. На приграничную торговлю приходится около 40% двустороннего товарооборота.

Юбилейный X Форум запланирован на 11 ноября этого года в Екатеринбурге. Предполагается провести его по тематике «Промышленная кооперация». Как всегда, в рамках форума ожидается ряд важных мероприятий: расширенное за-

седание Российско-Казахстанского делового совета по приграничному сотрудничеству, молодежный форум, межрегиональная выставка регионов России и Казахстана. Готовится подписание ряда двусторонних документов.

Успешно проходит реализация Плана совместных действий России и Казахстана на период с 2013-го по 2015 год. Этот документ, рассчитанный на трехлетний период, охватывает практически все стороны российско-казахстанского взаимодействия, включая правоохранительную сферу, антинаркотическое сотрудничество, взаимодействие в области реагирования на чрезвычайные ситуации санитарно-эпидемиологического характера, здравоохранение.

План состоит из 47 пунктов, охватывающих 14 областей сотрудничества. Это четвертый такой план. Первые три (на 2007—2008, 2009—2010 и 2011—2012 гг.) успешно выполнены. С российской стороны к его осуществлению привлечены 16 министерств и ведомств, семь крупнейших компаний. МИДы отвечают за интенсивность диалога в политической сфере и координацию его исполнения.

Одной из самых востребованных на сегодняшний день проблематик в российско-казахстанских отношениях является активизация работы по евразийской интеграции. Основная задача, поставленная главами государств — участников Таможенного союза и Единого экономического пространства, — создание к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза — ЕАЭС.

На днях в Минске, как мы все наблюдали, были предприняты новые согласованные тремя государствами шаги в этом направлении.

Подытоживая, хотел бы еще раз отметить, что в лице Республики Казахстан мы имеем стратегического партнера, надежного союзника и близкое нам по духу и мыслям государство.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Евразийская интеграция: первые итоги и новые вызовы

Чуфрин Г.И.

Первые итоги реализации проекта евразийской экономической интеграции, начало которому было положено в 2010 г., в основном подтвердили и его востребованность на постсоветском пространстве, и его жизнеспособность.

Одним из важных показателей, подтверждающих этот вывод, стало то, что Россия, Казахстан и Беларусь, создавшие Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП), продемонстрировали опережающие темпы роста взаимного товарооборота по сравнению с общими темпами своей внешней торговли. В результате взаимный товарооборот России, Казахстана и Беларуси за первые три года функционирования Таможенного союза (2010—2012 гг.) вырос на 45% по сравнению с общим ростом их внешней торговли за тот же период на 36% [1].

В целом структура взаимного товарооборота России, Казахстана и Беларуси за тот же период складывалась более качественно, нежели структура их торговли с третьими странами.

Так, согласно данным Евразийской экономической комиссии, в 2012 г. на топливно-энергетические товары во взаимной торговле членов ТС пришлось 37% по сравнению с 72% в общем объеме их внешней торговли. В то же время доля машин и оборудования во взаимной торговле членов ТС превысила в 2012 году 20%.

Аналогичные показатели, характеризующие структуру взаимной торговли государств — членов ТС/ЕЭП, наблюдались и по итогам первой половины 2013 г. Так, доля машин и оборудования в их взаимной торговле составила 19,2%, а топливно-энергетических товаров — 33%. Для сравнения, удельный вес этих двух товарных групп в торговле государств — членов ТС/ЕЭП с остальными странами составил за тот же период соответственно 2,4% и 73,4% [2].

Наконец, с принятием решения о формировании ЕЭП и разработкой соответствующего законодательства начал достаточно успешно формироваться единый рынок труда стран — участниц этого объединения.

Заключение между ними целого ряда соглашений законодательно-правового характера должно обеспечивать постепенную гармонизацию национального трудового законодательства стран — членов ЕЭП, а также способствовать формированию ими единой политики по вопросам приема на работу и увольнения трудовых мигрантов из стран ЕЭП, их медицинскому обеспечению и социальному страхованию, порядку налогообложения и т.д. В августе 2012 г. коллегия Евразийской экономической комиссии приняла решение о создании специального комитета, в задачи которого вошло дальнейшее совершенствование миграционной политики и трудового законодательства в рамках ЕЭП [3]. В свою очередь, такие правовые нормы и положения призваны формировать и закреплять специфику трудовых отношений внутри ЕЭП между членами этого интеграционного объединения, принципиально отличающую их от отношений с трудовыми мигрантами из третьих стран.

Развитие этих процессов не прошло мимо внимания других стран постсоветского пространства, вызывая их нескрытый интерес к уже достигнутым и ожидаемым результатам в рамках ТС/ЕЭП. Одновременно эти результаты по-

служили стимулом и для активизации процессов взаимного торгово-экономического сотрудничества между постсоветскими государствами, вызвав к жизни принятие целого ряда практических мер и законодательных актов правительствами и парламентами этих стран.

В этой связи следует упомянуть, в частности, как о решении девяти стран СНГ о создании Зоны свободной торговли СНГ (ЗСТ СНГ), принятом ими в 2011—2012 гг., так и об острых дебатах, развернувшихся в ряде постсоветских стран по поводу форм дальнейшего взаимодействия с ТС и ЕЭП, вплоть до рассмотрения возможности получения полноправного членства в этих организациях.

Наблюдается рост интереса к установлению более тесных отношений с Таможенным союзом не только со стороны стран СНГ, но и государств «дальнего зарубежья», включая Вьетнам, Новую Зеландию и даже Индию.

Впрочем, было бы глубоко ошибочно и контрпродуктивно говорить только о положительных сторонах евразийской интеграции и не замечать или замалчивать негативные процессы и явления, наблюдаемые в ходе ее осуществления и оказывающие несомненное влияние на масштабы, характер и эффективность интеграционных мероприятий. В частности, в течение первых восьми месяцев 2013 г. размеры взаимной торговли стран — членов Таможенного союза не только не возросли, но и упали на 7,1% [4].

К числу фундаментальных причин, способствующих формированию столь неоднозначной и противоречивой картины, относится, во-первых, то, что евразийская интеграция осуществляется в неблагоприятных внешних экономических условиях, фактически в условиях глобальной экономической рецессии. Члены ТС и ЕЭП, развивая взаимное торгово-экономическое сотрудничество, продолжают оставаться участниками, причем глубоко вовлеченными в более широкие по

своим масштабам международные экономические отношения. Уже, хотя бы в силу этого, они не могут не испытывать на себе серьезного воздействия наблюдаемых в последнее время в мировой экономике и финансах кризисных явлений, влияющих и на общее состояние их экономического развития, и на характер участия в международном разделении труда, и на участие в мировой торговле, и на динамику их экспортных доходов и т.д.

Нельзя при этом не упомянуть и о прямых ограничительных мерах, действующих в третьих странах, в отношении доступа на мировые рынки товаров государств — членов Таможенного союза.

Так, согласно результатам исследования, проведенного Евразийской экономической комиссией, по состоянию на конец 2012 г. было выявлено применение 95 таких мер, включая антидемпинговые санкции, дискриминационные акцизы, квотные ограничения, технические и административные барьеры, нетарифные меры и ограничения по номенклатуре. Наибольшее количество применяемых ограничительных мер и санкций, или почти 40% от их общего числа, пришлось на долю Евросоюза и США, причем наиболее чувствительными для стран — членов Таможенного союза явились: (а) ограничительные меры США в отношении продукции нефтехимической и металлургической отраслей промышленности Беларуси; (б) квотные ограничения на поставки зерновых в ЕС и (в) антидемпинговые санкции в отношении продукции химических отраслей промышленности всех стран — членов ТС, применяемые США и ЕС [5].

Как известно, приступая к развитию евразийской экономической интеграции, ее участники стремились в числе первоочередных целей к обеспечению коллективными усилиями своего более выгодного, более устойчивого и конкурентоспособного положения в системе МЭО.

Первые итоги осуществления интеграционных мероприятий свидетельствуют о том, что в известной степени им это действительно удается, но масштабы их формирующегося общего рынка все еще не способны компенсировать резкие перепады в уровне спроса в третьих странах на продукцию их экспорта, в котором продолжают доминировать топливно-энергетическое сырье и металлы. Сохраняется и неприемлемо высокая степень зависимости членов ТС и ЕЭП от импорта широкого спектра товаров и услуг, которые национальное производство этих стран еще не в состоянии заместить.

Во-вторых, пока процессы взаимного хозяйственного сотрудничества между членами ТС и ЕЭП не носят всеобъемлющего характера и не привели к созданию крупных многосторонних торгово-промышленных комплексов.

Вопреки неоднократно предпринимавшимся попыткам остаются все еще ограниченными их достижения в налаживании масштабного сотрудничества в сфере материального производства, особенно в создании совместными усилиями современных научно-технических разработок и технологий.

Представляется очевидным, что без решительного прорыва на этих направлениях участникам евразийской интеграции не удастся добиться структурной перестройки их национальных экономик и обеспечить отход от ныне действующей модели топливно-сырьевого развития. А это означает сохранение и даже закрепление их зависимого развития в глобальной системе мирового хозяйства.

В-третьих, практика начального периода существования Таможенного союза и Единого экономического пространства показывает, что участники евразийского процесса несут серьезные издержки ввиду сохраняющихся серьезных недостатков и недоработок в законодательном обеспечении проводимых ими интеграционных экономических мероприятий.

В этой связи нельзя недооценивать и тем более игнорировать сохраняющиеся противоречия в интересах различных деловых групп и объединений в самих странах ТС/ЕЭП. Более того, по мере интенсификации экономического взаимодействия между этими странами могут возникать и реально возникают новые противоречия, порождающие взаимные споры и претензии.

Уместно упомянуть в этой связи громкое дело по обвинению белорусскими властями генерального директора российской компании «Уралкалий» и председателя наблюдательного совета белорусской калийной компании (БКК) Владислава Баумгертнера в злоупотреблении служебными полномочиями и махинациях в отношении продукции БКК, приведшими к кризису на рынке калия и послужившими основанием для ареста В. Баумгертнера в конце августа 2013 г. Его задержание произошло после того, как «Уралкалий» объявил о решении прекратить экспорт своей продукции через БКК (совместного трейдера «Уралкалия» и «Беларусь-калия») и экспортировать ее через собственного трейдера («Уралкалий-Трейддинг»). Наряду с этим белорусские власти объявили в международный розыск совладельца компании «Уралкалий» Сулеймана Керимова [6].

Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого конфликта, причин его возникновения и позиций заинтересованных сторон, тем не менее ясно, что любые задержки с формированием единой договорно-правовой базы ТС/ЕЭП, а также с активизацией деятельности суда ЕврАзЭС во имя объективного и своевременного разрешения подобных хозяйственных споров и предотвращения угрозы их перерастания в межгосударственный конфликт будут все ощутимее отрицательно сказываться на ходе интеграционных процессов, их темпах и эффективности.

В-четвертых, из-за сохраняющейся несогласованности в совместных действиях члены Таможенного союза и Единого экономического пространства нередко неоправданно уступают свой рынок товаропроизводителям из третьих стран.

В свою очередь, имеющиеся недостатки в тарифной политике членов ТС и ЕЭП используются в собственных интересах их внешними партнерами. В частности, к подобной практике нередко прибегают китайские предприниматели. Декларируя товары своего экспорта, например одежду и обувь, по таможенным кодам, для которых предусмотрены более низкие ввозные пошлины, китайские экспортеры тем самым не только обуславливают потери бюджетных доходов стран — членов ТС/ЕЭП ввиду недополучения последними таможенных пошлин, но и благодаря нездоровой конкуренции фактически вытесняют с местных рынков национальных производителей одноименной продукции. Практика показывает, что наибольшие потери несут при этом представители малого и среднего бизнеса.

Наконец, в-пятых, весьма остро и неоднозначно стоят вопросы расширения состава Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана.

По всей видимости, в ближайшем будущем расширение состава Таможенного союза более или менее реально может произойти только за счет принятия в ТС Кыргызстана и Армении. Как известно, на завершившемся в октябре 2013 г. заседании Высшего евразийского экономического совета в Минске было принято решение поддержать намерение этих стран присоединиться к Таможенному союзу [7].

Сказанное отнюдь не должно вместе с тем означать, что следует форсировать процесс расширения Таможенного союза. К тому же и Армении, и Кыргызстану еще предстоит выполнить целый ряд обязательных предварительных условий по приведению своего национального законодательства

в соответствие с уже действующими законами и правилами Таможенного союза, то есть выполнить так называемую «дорожную карту», прежде чем решение об их присоединении к ТС будет принято окончательно.

Более того, существенное расширение состава членов Таможенного союза в обозримой, во всяком случае ближайшей, перспективе вообще вряд ли целесообразно, поскольку главной задачей в настоящее время является консолидация этой организации, преодоление существующих внутренних проблем и противоречий и достижение ощутимого прогресса в уже намеченных совместных программах и планах. Именно достижение такого прогресса, а отнюдь не рост численности членов организации, должно стать подлинным критерием авторитетности и привлекательности Таможенного союза. В свою очередь, именно реальные успехи ТС будут способствовать дальнейшему укреплению центростремительных сил, выступающих в пользу экономической интеграции в различных постсоветских странах.

Особо при этом следует остановиться на заметно обострившейся в последнее время проблеме отношений Украины, крупнейшей после России и Казахстана постсоветской страны по размерам ВВП, с членами Таможенного союза в свете заявленного ею «европейского выбора», то есть планируемого ею присоединения к зоне свободной торговли (ЗСТ) с Евросоюзом (ЕС) в ноябре 2013 г.

Разумеется, такое решение — суверенное право Украины, однако, оно, к сожалению, неизбежно приведет к серьезным негативным последствиям в ее отношениях со странами ТС/ЕЭП. Ведь после подписания Украиной соглашения об ассоциации с ЕС ее присоединение к ТС станет невозможным, ни в полном объеме, ни даже в частичном (как, например, по предлагаемой украинской стороной формуле «3+1»). К тому же, подписав это соглашение, Украина не сможет одновре-

менно сохранить и ныне действующий, относительно либеральный таможенный режим с членами ТС/ЕЭП.

Соответственно, Украине следует готовиться к ужесточению этого режима вплоть до применения ко всем украинским товарам единого таможенного тарифа (ЕТТ) ТС, ибо в случае ее вступления в ЗСТ ЕС страны — члены ТС/ЕЭП распространят на нее защитные меры на уровне значений, действующих при их торговле с европейскими странами — членами ЕС. А это неизбежно приведет к сокращению размеров товарооборота между странами ТС/ЕЭП и Украиной и также, вполне вероятно, вызовет другие негативные последствия, как, например, свертывание научно-технического взаимодействия в космической и авиапромышленности, судостроении или введение ограничений на поставки украинской продукции животноводства на российский рынок.

В России расценили присоединение Украины к ЗСТ ЕС не только как акт, имеющий сугубо экономические последствия, но и политические. Соответственно, в конце сентября 2013 г. Госдума РФ приняла заявление, в котором назвала «неоимперскими амбициями» стремление Евросоюза включить Украину в «зону своих исключительных интересов». В документе говорилось также, что в случае подписания Соглашения об ассоциации Украина неизбежно утратит часть своей самостоятельности, что усложнит ее экономическое партнерство с членами ТС [8].

Прогнозируя развитие вышеупомянутых негативных тенденций, вместе с тем необходимо уже сейчас обратить особое внимание на решение проблемы формирования дальнейших отношений стран — членов ТС/ЕЭП с Украиной.

Ведь, несмотря на обострение межгосударственных отношений, вполне очевидно, что ни Украина, ни государства — члены ТС/ЕЭП не заинтересованы в доведении своих раз-

ногласий до полномасштабного экономического разрыва, да и вряд ли смогут это себе позволить.

Свидетельством тому является, в частности, то, что Украина стремится сохранить полученный ею в 2013 г. статус наблюдателя в Таможенном союзе, продолжает участвовать в работе Высшего экономического совета стран ТС и, по словам украинского премьер-министра Н. Азарова, собирается участвовать в работе межгосударственных органов Таможенного союза [9]. Продолжая поиск взаимоприемлемой и эффективной модели сотрудничества с Таможенным союзом, правительство Украины в октябре 2013 г. заявило о возможности присоединения к соглашению, действующему в рамках ТС, о согласованной политике в области технического регулирования и фитосанитарных мер.

Россия со своей стороны также сохраняет заинтересованность в поддержании отношений торгово-экономического сотрудничества с Украиной и готова оказывать ей содействие в решении важных хозяйственных проблем.

Согласно заявлению Президента РФ В. Путина, сделанному им в начале октября 2013 г., в целях поддержания курса гривны и сохранения макроэкономической стабильности Украины в целом российские банки выделили ей очередной кредит в размере 750 млн долл., а Газпром предоставил Украине скидку с 400 до 260 долл. за тысячу кубометров газа для закачки около 5 млрд кубометров в подземные хранилища для обеспечения бесперебойного транзита газа на территорию Европы зимой [10].

Хотела бы не только сохранить, но и наращивать торгово-экономическое сотрудничество с Украиной и Беларусь, занимающая четвертое место после России, Китая и Германии во внешнеторговом обороте Украины и имеющая положительное сальдо в торговле с ней. В правительстве Беларуси считают, что важным направлением сотрудничества с Украиной,

которое также необходимо сохранять и развивать, является производственной кооперацией, осуществляемая около 80 крупными предприятиями обеих стран [11].

В этой связи представляется целесообразным и даже желательным, чтобы страны — члены ТС в своих отношениях с Украиной (а также с другими странами, стремящимися развивать деловые связи с Таможенным союзом, но пока не планирующими формально вступить в него) продолжали поддерживать переговорный процесс, не отталкивая ее, а демонстрируя как еще сохраняющиеся возможности сотрудничества, так и изыскивая новые.

При этом следует иметь в виду, что присоединение Украины к ЗСТ ЕС лишь начинается с подписанием соглашения об ассоциации с ЕС. Процесс этот весьма длительный, предусматривающий 10-летний переходный период и сложный не только в экономическом и правовом, но и в политическом отношениях, и это может дать время как членам ТС/ЕЭП, так и Украине для нахождения взаимоприемлемого формата сотрудничества в новых условиях, избежав при этом излишней конфронтации.

Наряду с действиями национальных правительств стран — членов ТС/ЕЭП в решении этой проблемы, как, впрочем, и в минимизации негативных последствий других вызовов своим интересам, важную конструктивную роль может и должна сыграть активизация их совместного наднационального органа — Евразийской экономической комиссии, что способствовало бы выработке более высокой степени координации по данному вопросу.

Литература

1. Статистика взаимной торговли за январь — март 2013 г. // Официальный сайт ЕЭК // <http://www.tsouz.ru>. — 2013, март.

2. Официальный сайт ЕЭК // <http://www.eurasiancommission.org>. — 2013, июнь.
3. ИТАР-ТАСС: Экономика и бизнес — новости российской и мировой экономик // <http://www.biztass.ru>.
4. Объемы, темпы и пропорции развития взаимной торговли государств — членов ТС и ЕЭП за период 2012 г. — январь — август 2013 г. // <http://www.eurasiancommission.org>. — 2013, август.
5. Доклад об ограничительных мерах, действующих в третьих странах в отношении товаров государств — членов Таможенного союза // Официальный сайт ЕЭК // <http://www.tsouz.ru>. — 2013, 21 января.
6. Коммерсантъ. — М., 2013, 30 августа; 3, 11 сентября.
7. Путин: Страны ТС поддержали намерение Армении и Киргизии присоединиться к нему // ИА REGNUM-Беларусь. Новости // <http://www.belarus.regnum.ru>. — 2013, 24 октября.
8. Gorshenin Weekly. Выпуск 30 (149). — Киев. — 2013, 23 сентября.
9. Киев и Минск учатся сидеть на двух стульях // BBC. Русская служба // <http://www.bbc.co.uk>. — 2013, 13 октября.
10. Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании саммита АТЭС // Президент России // <http://www.kremlin.ru>. — 2013, 8 октября; Коммерсантъ. — М. — 2013, 9 октября.
11. ИА REGNUM-Беларусь. Новости // <http://www.regnum.ru>.

Казахстан и Россия — пассионарное ядро евразийской экономической интеграции

Башмаков А.А.

XX век ушел в историю, так и не дав ответы на многие вопросы, в том числе и стратегического характера. Так, например, неясно, как следует развиваться человечеству: идти ли по пути наращивания промышленных мощностей и численности населения или отказаться от избыточного потребления и сокращать рост численности. Неясно, за какой формой организации будет будущее: за национальным государством или сетевыми транснациональными структурами. Какова должна быть конфигурация международных экономических отношений и на каких принципах должна строиться и базироваться новая мировая финансовая система.

Широкий спектр мнений с серьезной аргументацией *pro* и *contra* существует и по целому ряду других животрепещущих вопросов: например, с какой интенсивностью будут продолжаться геополитические сдвиги, каким образом на состояние мира повлияют глобальные климатические изменения, когда и в какой области возникнут новые прорывные технологии.

Но сегодня уже посеяны семена тех процессов, которые будут определять лицо современного мира. Какие из доминирующих глобальных трендов сохранятся в ближайшие десятилетия, скажем к 2050-м годам, какие изменения будут и будут ли эти изменения значительными?

По данным международного Фонда «Институт посткризисного мира», развитие человечества можно условно разделить на три блока.

Первый — включает в себя те сферы, где эксперты предполагают значительные изменения.

Второй — это зона неопределенности и *третий* — процессы и явления, в отношении которых существенных перемен не предвидится. Наиболее вероятным сценарием политико-экономического развития все-таки является тренд многополярности и, соответственно, переход ряда развивающихся стран в статус региональных и мировых лидеров. При этом речь идет не только о конкуренции «полюсов силы», но и о конкуренции разных моделей развития, которые потеснят западнолиберальную концепцию.

Доктор Умут Коркут (Великобритания), профессор Университета Глазго пишет: «Полагаю, что западные модели политических и экономических институтов потеряют свою привлекательность. Это откроет дорогу для новых моделей институализации». Генеральный директор корпорации геостратегического прогнозирования США Василиас Дамирас утверждает, что «различные страны, наподобие Китая, России, Бразилии, Ирана и Венесуэлы, будут вызовом для мощи США».

Словом, грядущие геополитические сдвиги приведут к заметному изменению баланса между различными центрами мировой мощи: ряду развивающихся стран удастся вырваться вперед и даже выйти в число развитых экономик (такую задачу ставит наша страна в Стратегии «Казахстан-2050»), а некоторым традиционным лидерам из числа «золотого миллиарда» предстоит утратить свои позиции [1].

Каковы перспектива и прогнозы на роль и место в этом мире у Казахстана и России?

Глобализация расширила круг проблем, напрямую затрагивающих интересы международного сообщества. К числу наиболее актуальных проблем, по нашему убеждению, относятся:

- проблема коллективных действий в международном масштабе;

- проблема разделения глобальной ответственности.

Этот круг проблем автоматически становится приоритетным для Казахстана как участника регионального интеграционного блока и других международных организаций.

Основными предпосылками эффективности коллективных действий является пространство СНГ и ЕврАзЭС [2].

Недавняя встреча в Астане в сентябре 2013 г. глав правительств стран ТС и ЕЭП подтвердила стремление Казахстана к развитию и углублению интеграционных процессов.

Важнейший трэк, над которым сейчас идет ежедневная работа экспертов, — это подготовка договора Единого экономического пространства (юридическое оформление которого состоится 1 января 2015 г.), работающего без изъятий и ограничений. На сегодня таких ограничений — 600. Снятие изъятий и барьеров — чрезвычайно важное условие роста наших национальных экономик [3].

Взаимная торговля между нашими странами выросла за семь месяцев текущего года почти на 4%. Изменяется экспорт несырьевых товаров в третьи страны. Он сократился за этот период на 8,6%. Это говорит о том, что единый внутренний рынок в существующей части не просто является источником роста, но и роста для обрабатывающих производств, что для экономик стран ТС является чрезвычайно важным. Уже сегодня Таможенный союз стал своего рода драйвером этого экономического образования.

Примечательно, что в странах ТС и СНГ сохраняется и растет уровень общественного одобрения этой интеграции. В Казахстане, России и Беларуси этот показатель составляет соответственно — 73, 67 и 65%.

Из стран, не входящих в ТС, наиболее высокая степень поддержки населением перспектив присоединения к ТС была в Узбекистане — 75%, Кыргызстане — 72% и Армении — 67%. В Грузии этот показатель составил 59% (за

2013 г. он вырос вдвое), на Украине — 50% и в Молдове — 54%.

Выступая на VI научно-практической конференции в апреле прошлого года в г. Алматы, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук Геннадий Илларионович Чуфрин говорил, что «стержнем укрепления отношений межгосударственного сотрудничества... являются экономические интеграционные процессы и связанные с ними проекты, в том числе Таможенный союз и будущий Евразийский экономический союз».

Важно в ходе их реализации не только последовательно добиваться взаимовыгодного согласования позиций между их участниками и нахождения наиболее эффективных решений, но и не перескакивать через этапы и не поддаваться искушению достичь рекламно-пропагандистских результатов в ущерб реальным, а то и просто загубить начатое дело [4].

Судя по тем результатам, которые я огласил, идея интеграции набирает силу.

Первоочередными задачами для Казахстана в рамках Таможенного союза является дальнейшее развитие интеграционных процессов, внедрение в них опыта Евросоюза, в частности инструментов защиты внутренних рынков через единый таможенный тариф и систему преференций.

Для стран ТС, на наш взгляд, интересным представляется использование опыта ЕС по заключению двусторонних преференциальных соглашений с целью формирования вокруг «евразийского ядра» (я имею в виду Казахстан, Россию и Беларусь) сети преференциальной торговли с разной степенью тарифной либерализации, прежде всего со странами СНГ. ЕС, например, посредством заключения двусторонних преференциальных соглашений планирует расширить европейское торговое пространство до границ с Россией. Таким образом, наибольший интерес для Таможенного союза, а в

будущем и для Евразийского экономического союза представляет такое направление торговой политики ЕС, как коллективный протекционизм.

Важными аспектами европейского опыта таможенно-тарифной политики являются:

- стабильность и предсказуемость тарифного обложения;
- гибкость в применении общих преференций для развивающихся стран;
- практика использования двусторонних преференциальных режимов;
- заключение соглашений о зонах свободной торговли;
- практика расширения экономического влияния в регионе [5].

Это, разумеется, неполный перечень уже накопленного опыта странами — участницами ЕС.

Но мне бы хотелось, как и в прошлом году в Астане, вернуться к одному очень важному фактору формирования евразийского экономического объединения. Речь идет о цивилизационно-гуманитарной составляющей. Мы еще не в полной мере оцениваем скрепляющую, интеграционную роль внеэкономических факторов, в отличие от Европы, где налицо кризисная ситуация в экономике, что вызвало глубокий кризис и в идеологической сфере: разрекламированный мультикультурализм все больше и глубже переживает, по существу, свое политическое банкротство. Об этом откровенно говорили премьер Англии Кэмерон, канцлер Германии Ангела Меркель, бывший президент Франции Саркози и др.

У нас же неиссякаемый потенциал духовной энергии, исходящий из нашей исторической общности, абсолютная близость ментальных установок.

Великий евразиец П.Н. Савицкий писал: «Недаром над Евразией веет дух своеобразного «братства народов», имею-

щий свои нормы в вековых соприкосновенных и культурных слияниях народов... Здесь легко просыпается воля к общему делу». А, по мнению самого авторитетного русского тюрколога Л.Н. Гумилёва, народы, способные на великие подвиги, как правило, появляются на стыке двух природных ландшафтов. Географическая среда оказывает самое непосредственное влияние на стереотип поведения человека и целого этноса. Все этносы, согласно его концепции, живут в определенных жизненных ритмах, и, когда эти ритмы близки и совпадают, эффект комплиментарности переходит в новое качество — происходит наложение ритмов и их дополнение, образуя особое состояние энергии — пассионарность.

Мы, народы России и Казахстана, пассионарны, мы комплиментарны. Вот наше неиссякаемое богатство. Это наша духовная скрепка и конструкция, призванная сделать экономическую интеграцию еще прочнее. Напомню, пассионарии — это люди, обладающие способностью впитывать и генерировать космическую энергию биосферы, подающие сигналы к переходу к ноосферному мышлению и четырехмерному измерению. Казахстан и Россия богаты таким человеческим капиталом. А главным фактором развития современной цивилизации становится человек. Мотор развития стран — это мотивированные и высокообразованные трудовые ресурсы.

Другим веянием нового времени стало то, что важным ресурсом развития государства становится его внутреннее цивилизационное многообразие — этническое, культурное, религиозное. Страны с такой внутренней структурой имеют более предпочтительные шансы, поскольку на стыке различных ментальностей рождаются новые комбинации в области управления, науки и творчества. Приведу только один пример. В прошлом году произошел трагический случай, повлекший смертельный исход. Умерла женщина, мать. Ее

сын Игорь Воротников принял решение, а вернее, совершил нравственный поступок — он отдал материнское сердце и почки двум молодым парням, жизнь которых висела на волоске. Он подарил жизнь Жанибеку Оспанову и Евгению Кунцу. Потеряв мать, он приобрел двух братьев — казаха и немца. А операцию в Астане провел сын некогда репатриированного корейца из Дальнего Востока и зовут его Юрий Пя. Такое может быть в стране, где есть толерантность и атмосфера пассионарной предрасположенности.

Если рассматривать евразийство как гуманистическую идею равного и взаимопольного развития всех этносов субконтинента и механизм дружеского и даже братского соседства, то Казахстан и Россия могут и должны пойти на такой вариант евразийского союза, где наши страны станут его пассионарным ядром. А если смотреть дальше, в ближайшее и отдаленное будущее, то это может стать сигналом и духовной основой по формированию, говоря словами Олжаса Сулейменова, планетарного сознания. Это когда люди во всем мире будут мыслить и поступать в одних нравственных координатах, сопрягаясь с общественными нормами совести. Глобальная этика — это одинаковое отношение всех к одним и тем же вещам, это время, когда не будет исключительных стран и народов и, напротив, народов-изгоев.

Завершая, хочу сказать, что сегодня в Казахстане его Президентом проводится крупномасштабная работа по поиску эффективных инструментов выхода из продолжающегося мирового финансового кризиса. «Почувствовав ветер перемен, — говорил Конфуций, — глупец строит щит от ветра, а мудрец — мельницу». Сегодня есть исторический шанс для смены старой парадигмы развития. Известно, что системные перекосы финансовой сферы затрагивают не только экономику. Они прямо сказываются на жизненном уровне людей, их безопасности и социальном благополучии. В этих услови-

ях решение накопившихся проблем в узких рамках формата G-8 и G-20 становится все более затруднительным.

В связи с этим на V Астанинском экономическом форуме Н.А. Назарбаев призвал мировое сообщество к формированию новых принципов мироустройства XXI в. G-Global, основанного на подлинном гуманизме, справедливости, толерантности и терпимости. В целях более конструктивного формирования международной экономической политики и поиска глобальных антикризисных решений он выступил с предложением о создании площадки G-Global как дополнения к существующим форматам. Президентом было предложено проведение в Астане Всемирной антикризисной конференции для выработки Мирового антикризисного плана. Эта работа должна идти под эгидой ООН.

21 декабря 2012 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН это предложение было поддержано всеми 193 странами — членами ООН. В подтверждение этой инициативы Президент Казахстана, выступая на недавнем Саммите G-20 в Санкт-Петербурге, отметил, что позиции большинства стран с развивающимися экономиками практически не принимаются во внимание при принятии важнейших мировых решений, их голос не слышен. Вот для чего нужна новая площадка с ее более доступной трибуной [6].

Литература

1. Перспектива-2050. Новая политико-экономическая карта мира. — М.: Изд. МФ «Посткризисный мир», 2013. — С. 110.
2. Мухамеджанова Д.Ш. Казахстан и международные интеграционные процессы: монография / Д.Ш. Мухамеджанова. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. — С. 29—30.
3. Казахстанская правда. — 2013, 26 сентября.
4. Чуфрин Г.И. Начало нового этапа в российско-казахстанских экономических отношениях. — В кн.: Казахстан —

Россия: экономические и политические факторы стратегического партнерства: материалы VI Казахстанско-российской научно-практической конференции (г. Алматы, 10 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. — 232 с. (С. 31—32).

5. Мухамеджанова Д.Ш. Указ. соч. — С. 40.

6. Нугербек С. Экономический фарватер развития // Казахстанская правда. — 2013, 1 октября.

Отношения России и Китая в Центральной Азии

Михеев В.В.

Сотрудничество России и Китая в ЦА заходит в тупик. Ставка России на Евразийский союз прочерчивает разграничительные линии в рамках ШОС. Теоретически все страны ШОС, кроме Китая, могут оказаться со временем в Таможенном союзе, что опять же гипотетически обеспечит им свободное передвижение товаров, капитала, рабочей силы. На деле подобное развитие событий означает бесперспективность работы ШОС как экономической организации.

Китай предвидит такое развитие событий. Его реакция: на начальном этапе — акцент на развитие двусторонних связей с отдельными странами ШОС. При новом руководстве — попытка выстроить многостороннее экономическое сотрудничество вне рамок ШОС.

1. Шанхайская организация сотрудничества теряет эффективность:

- Россия не идет на создание свободной экономической зоны в рамках ШОС, так как опасается китайских товаров, более конкурентоспособных, чем российские.

- Многосторонние инвестиционные и энергетические проекты пробуксовывают, так как Россия и Китай не могут выработать скоординированную политику в отношении стран Центральной Азии.

- В уставных документах ШОС заложено противоречие: организация, согласно букве договоренностей, занимается в целом всеми регионами, в которых расположены государства — члены ШОС, на деле же основной регион общего интереса — это страны Центральной Азии.

- В Центральной Азии Россия чувствует себя традиционным лидером и, сталкиваясь с растущим влиянием Китая, все острее воспринимает его как конкурента.

2. Проявления недостаточной эффективности ШОС следующие:

- Россия делает ставку на Таможенный союз в рамках Евразийского экономического сообщества (Россия, Беларусь и Казахстан) — тем самым, как отмечалось выше, проводится разграничительная черта между участниками Таможенного союза и другими государствами — членами ШОС.

- Китай, как отмечалось выше, отвечает выстраиванием двусторонних взаимоотношений с государствами — членами ШОС.

- Россия стремится размыть геополитическую площадку ШОС за счет приглашения государств — наблюдателей (Афганистан, Индия, Пакистан, Иран, Монголия) и государств — партнеров по диалогу (Беларусь Турция, Шри-Ланка). То есть происходит перефокусировка внимания с собственных проблем ЦА на другие вопросы: вопросы безопасности и сотрудничества.

- Со стороны Китая также усиливается интерес к другим форматам регионального сотрудничества, прежде всего к БРИКС.

3. Главным стратегическим новаторством Китая является выдвинутая Си Цзиньпином во время сентябрьского визита в Казахстан идея создания *Экономической зоны Шелкового пути*.

Интересно, что Си Цзиньпин озвучил эту идею не на Саммите G-20 в Санкт-Петербурге, а сразу после него — в Алматы, тем самым показав, что ее адресатом являются не мировые политические и финансовые лидеры, а страны,

расположенные в регионе, представляющем прилегающее к Китаю пространство первейших жизненных интересов КНР.

Идея создания Шелкового пути стала своего рода ответом на проблемы, с которыми Китай сталкивается в рамках ШОС:

- во-первых, с игрой государств-членов на противоречиях между Китаем и Россией;
- во-вторых, с неготовностью России идти на создание зоны свободной торговли ШОС;
- в-третьих — медленным темпом интеграции в ШОС.

Создание Экономической зоны Шелкового пути, по сути, позволит Китаю обойти противоречия, сложившиеся в ШОС, и занять лидирующие позиции в отношениях со странами ЦА и постсоветского пространства в целом.

4. Для России идея Экономической зоны Шелкового пути носит двойственный характер:

- С одной стороны, Россия может получить экономическую выгоду от модернизации российских транспортных сетей за счет китайского капитала.

- С другой стороны, в случае успеха стратегии «Шелковый путь» Россия оказывается в *положении «ведомого»* в рамках этого долгосрочного проекта.

Официально идея создания Экономической зоны Шелкового пути не противопоставляется ШОС или ЕврАзЭС. Более того, она преподносится как продолжение работы ШОС. Однако на деле этот проект может стать первым стратегически значимым проектом под руководством Китая, где Россия займет место ведомого.

Тем не менее на деле этот проект может стать первым стратегически значимым проектом такого рода под руководством самого Китая. В этом контексте *китайские политологи*

прочерчивают «линию разрыва» между ЕвразЭС и Экономической зоной Шелкового пути.

По их мнению, конечная цель России на пространстве Центральной Азии — это создание экономического Евразийского союза. Однако ее реализация «спотыкается» о проблему разного уровня развития стран региона и разной степени их готовности к «жесткой интеграции», тогда как Китай посредством формирования Экономической зоны Шелкового пути стремится «просто» к многостороннему сотрудничеству — с учетом «фактора разноуровности» стран, к «мягкому интеграционному варианту».

Для России это не является катастрофой, но заставляет по-новому смотреть на взаимоотношения с Китаем в Центральной Азии или на пространстве Шелкового пути.

В сложившихся условиях один из вариантов дальнейшего развития ШОС — это усиление российско-китайского двустороннего сотрудничества в рамках организации. Это позволит избежать естественного стремления остальных государств-членов играть на противоречиях между Китаем и Россией и тем самым укрепить организацию и придать новый импульс ее развитию.

5. Можно ожидать, что в ближайшее время на развитие идеи Шелкового пути будут направлены основные внешнеполитические ресурсы КНР. Тем самым Китай постарается компенсировать за счет активности на этом экономическом и финансовом направлении свою сохраняющуюся пассивность по наиболее острым вопросам глобальной и региональной безопасности.

По замыслам Си Цзиньпина, важно направить взаимодействие между ШОС и Евразийским союзом на решение, прежде всего, тех задач, которые связаны с построением «экономического коридора Шелкового пути». Китайская

дипломатия на этом направлении предполагает следующие шаги:

- Во-первых, Пекин попытается через политические контакты подтолкнуть страны региона Шелкового пути (конкретные участники проекта пока не определены окончательно) к *координации экономической стратегии*, с тем чтобы в бюджеты стран закладывались и расходы на Шелковый путь.

- Во-вторых, дипломатия Пекина будет нацелена не только на развитие дорожных коммуникаций и создание транспортного коридора «Тихий океан — Балтийское море», но и на формирование транспортной сети, которая соединит Восточную, Западную и Южную Азию. Тем самым Китай «замахивается» на проект, объединяющий транспортной и бизнес-инфраструктурой Тихий, Индийский океаны, а также Балтийское, Черное и Средиземное моря.

- В-третьих, Китай намерен постепенно вести дело к формированию в стратегической перспективе *большой зоны* свободной торговли на этом пространстве через координацию усилий всех стран по упрощению торгово-инвестиционной деятельности.

- В-четвертых, Пекин намерен привлекать все большее число стран региона Шелкового пути к участию в региональных валютных свопах, в переходе на расчеты в национальных валютах, в создании региональных (параллельно G-20) механизмов увеличения степени защищенности финансовых систем от рисков и повышения международной конкурентоспособности экономик региона.

Китай рассчитывает стать своего рода финансовым лидером тех развивающихся стран, которые не представлены в G-20 и не имеют своего голоса при обсуждении новой международной финансовой архитектуры.

На будущее — опираясь на их поддержку, Китай предполагает повысить свой вес в G-20, а также в прямых перего-

ворах с финансовой G-7, перспективы которых становятся более реальными по мере интернационализации китайского юаня.

Наконец, экономические и финансовые усилия Пекин предполагает подкреплять интенсивными культурными связями и интеллектуальным сотрудничеством.

6. Несмотря на приоритет политики Шелкового пути, *Китай в большей степени, чем другие страны, продолжает стимулировать экономическое сотрудничество в рамках ШОС* — пока не сбрасывая окончательно варианты использования ШОС в своих интересах в ЦА. Такой подход — в русле общей философии китайских реформ: создавать новое, не ломая в одночасье старое.

Сентябрьский саммит ШОС 2013 г. в Бишкеке показал, что Китай пытается вывести центральноазиатские страны ШОС на более высокий уровень взаимодействия в определении стратегии развития национальных экономик. Прежде всего, Китай стремится создать инфраструктуру по обеспечению бесперебойного торгово-инвестиционного сотрудничества со странами ЦА. Здесь Китай не устраивает сложившаяся практика, когда Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан часто не выполняют свои торговые и инвестиционные обязательства.

Другим приоритетом Китая, озвученным на Бишкекском саммите, является модернизация *финансового* взаимодействия со странами ЦА. Здесь его действия направлены на:

- укрепление национального денежного обращения в странах ЦА;
- развитие сети валютных свопов;
- расширение расчетов в национальных валютах стран региона;
- увеличение степени защищенности финансовых систем от рисков;

- повышение международной конкурентоспособности экономики региона.

Однако страны ЦА в разной степени готовы к принятию китайских новаторств, в частности к переходу к расчетам в национальных валютах. Для выравнивания положения Китая продолжает наращивать финансовую экспансию в странах ЦА — имея в виду, прежде всего, создание благоприятных условий для расширения обращения юаня в странах ЦА.

7. Рекомендации для России:

- Не бойкотировать мегапроект «Зона Шелкового пути», а постараться использовать направляемый на его реализацию китайский финансовый потенциал в собственных экономических интересах.

- Не отказываться окончательно от либерализации торговли с Китаем, а выработать концепцию, каким темпом продвигать такую либерализацию к созданию в будущем зоны свободной торговли с Китаем. В случае непринятия этой идеи и по мере продвижения концепций Шелкового пути и Транстихоокеанского партнерства Россия может оказаться в невыгодном положении по отношению к партнерам с высоким уровнем либерализации экономических связей.

- Искать варианты взаимодействия с Китаем в ШОС по схеме: сначала проработка совместного российско-китайского подхода к той или иной теме, затем — вынесение общего подхода на ШОС.

**СЕССИЯ I
РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
РОЛЬ КАЗАХСТАНА И РОССИИ**

**Взаимные прямые инвестиции
России и Казахстана**

Кузнецов А.В.

При анализе интеграции на постсоветском пространстве, наряду с политическим и макроэкономическим взаимодействием, нельзя забывать о второй ее опоре, а именно о корпоративной интеграции. В случае России и Казахстана роль взаимных инвестиций корпораций двух стран особенно важно подчеркнуть, поскольку экономические связи двух соседних государств давно переросли уровень лишь внешней торговли. Более того, создание Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана оказывает позитивное воздействие не только на трансграничные товарные потоки, но и содействует углублению инвестиционного сотрудничества, особенно с учетом запланированного перехода от Таможенного союза к следующей ступени интеграции — к Евразийскому экономическому союзу.

К сожалению, адекватный анализ корпоративной интеграции между Россией и Казахстаном сильно затруднен из-за специфики официального учета прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Методика сбора данных и Центральным банком РФ, и Национальным банком РК сводится к учету лишь непосредственного, а не конечного получателя зарубежных капиталовложений. Так, согласно данным Национального

банка Казахстана, накопленные ПИИ из Казахстана в России к 30 июня 2013 г. достигли лишь 530,5 млн долл., а ПИИ из России в Казахстане — 1 330,1 млн долларов. Поскольку у России масштабы инвестиционного взаимодействия с внешним миром больше, то Центральному банку России приходится дольше обрабатывать и уточнять данные об инвестиционных сделках. В результате он пока опубликовал сведения лишь на 1 января 2013 г. По версии российской официальной статистики, масштабы инвестиционного взаимодействия с Казахстаном несколько больше — 891 млн долл. накопленных ПИИ Казахстана в России и 2 453 млн долл. российских ПИИ в Казахстане. Однако эти цифры также не впечатляют на фоне других стран.

На самом деле значительная часть российских капиталовложений в Казахстане в российской статистике регистрируется как инвестиции на Кипре, в карибских офшорах, а иногда и во вполне уважаемых юрисдикциях (например, Канаде), а в казахстанской статистике — как ПИИ из соответствующей страны, а не России. Аналогичная проблема характерна и для регистрации казахстанских инвестиций за рубежом. При этом широкое использование «перевалочных баз» характерно не для всех отраслей, что искажает не только реальные масштабы, но и структуру российско-казахстанского инвестиционного взаимодействия. В частности, масштабные инвестиции российского ОАО «Атомредметзолото» в урановые рудники Казахстана формально отражены как капиталовложения канадской компании «Uranium One», а инвестиции концерна «ЛУКОЙЛ» в добычу углеводородов в Казахстане — как капиталовложения офшорной фирмы «LUKOIL Overseas».

Для преодоления недостатков официальной статистики в ИМЭМО РАН с конца 2011 г. по заказу ЕАБР реализуется серия проектов, которая призвана оценить реальные мас-

штабы инвестиционного взаимодействия стран СНГ. Нами учитывается фактическая локализация проектов, причем с помощью детального анализа корпоративной отчетности и ряда косвенных оценок определяются масштабы ПИИ, поступивших к конечным получателям (в т.ч. через Кипр и другие «перевалочные базы»). Оказалось, что на начало 2013 г. накопленные в России казахстанские ПИИ составляют порядка 4,4 млрд долл., а российские ПИИ в Казахстане — 10,5 млрд долларов (рис. 1). Иначе говоря, российская официальная статистика занижает масштабы двустороннего инвестиционного взаимодействия более чем в 4 раза (казахстанская — еще больше).

Рис. 1. Фактические накопленные объемы взаимных прямых инвестиций России и Казахстана (данные ИМЭМО, млн долл.)

При этом можно увидеть, что даже в условиях мирового кризиса не произошло существенных сокращений вза-

имных потоков ПИИ (хотя отдельные проекты по разным причинам были свернуты или потеряли часть капиталовложений).

Если рассматривать отраслевую структуру российских ПИИ в Казахстане, то можно увидеть доминирование топливно-энергетического комплекса. Больше четверти накопленных капиталовложений приходится на добычу нефти и природного газа. Выделяются также другие отрасли ТЭК. Из иных секторов можно отметить цветную металлургию, а в сфере услуг — телекоммуникации и банковский бизнес. Таким образом, речь идет, главным образом, о стремлении российских компаний получить доступ к казахстанским ресурсам либо закрепиться на рынках сбыта соседней страны, то есть реализуется стратегия классической инвестиционной экспансии ТНК экономически более развитой страны, а не стратегия построения полноценных глобальных цепочек создания добавленной стоимости. К сожалению, пока российские капиталовложения в такие перспективные сферы корпоративной интеграции с Казахстаном, как агропродовольственный комплекс и машиностроение, невелики (рис. 2).

Отраслевая структура казахстанских ПИИ в России также далека от оптимальной. Налицо крен в сторону капиталовложений в финансовый сектор и операции с недвижимостью (рис. 3). Большая роль агропродовольственного комплекса не должна вводить в заблуждение — в основном она обеспечена одним инвестором, который скупает в России сельскохозяйственные площади (то есть, как и в случае гостиничного дела, речь идет скорее о вложениях в недвижимость).

Рис. 2. Структура российских прямых инвестиций в Казахстане в конце 2012 г.

Рис. 3. Структура казахстанских прямых инвестиций в России в конце 2012 г.

Вместе с тем все познается в сравнении. Как показали расчеты ИМЭМО РАН, проведенные по заказу ЕАБР, российско-казахстанские инвестиционные потоки в отраслевом плане —

самые диверсифицированные на постсоветском пространстве. Другим позитивным моментом являются невысокие межрегиональные контрасты в размещении ПИИ. В частности, в отличие от Украины, где российский бизнес активен в основном лишь на Востоке, тогда как на Западе страны доминируют ТНК из стран ЕС, в Казахстане россияне широко представлены в самых разных регионах (рис. 4). Таким образом, по линии корпоративной интеграции мы не можем говорить о каких-то линиях разлома — весь Казахстан тесно связан с Россией.

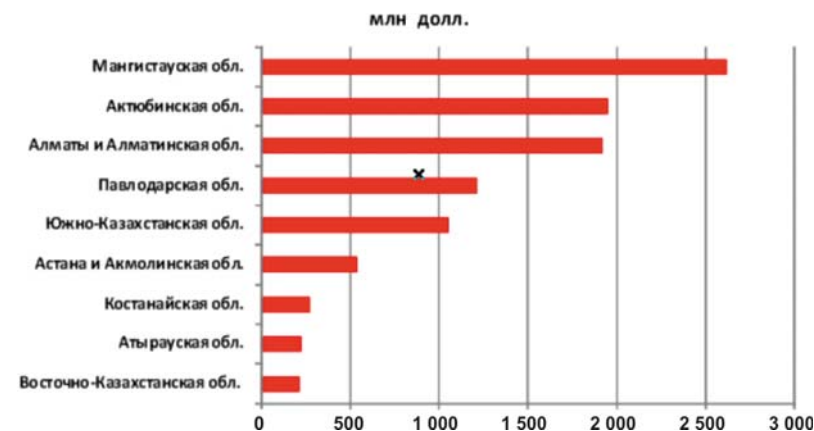

Рис. 4. Основные регионы — получатели российских прямых инвестиций в Казахстане

Резюмируя, можно отметить, что российско-казахстанские инвестиционные связи характеризуются довольно высокой интенсивностью и диверсификацией отраслевой и географической структуры. Однако еще остается большое поле для углубления корпоративной интеграции двух стран, которая пока находится в тени политического взаимодействия России и Казахстана, а также усилий двух государств по развитию взаимной торговли товарами.

Концептуальные вопросы евразийской экономической интеграции: взгляд из Казахстана

Мухамеджанова Д.Ш.

К 2015 г. интеграционные процессы на пространстве СНГ должны развиваться с учетом создания нового формата взаимодействия — Евразийского экономического союза Беларуси, Казахстана и России. Казалось бы, региональная интеграция развивается в рамках определенного сценария. Однако в настоящее время на региональном и мировом научно-информационном пространствах сложилась, на наш взгляд, парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, бесспорным является факт существования и развития интеграционных процессов на евразийском постсоветском пространстве, с другой — отсутствия единой концепции евразийской экономической интеграции. В отсутствие таковой сформировались и формируются разные взгляды на ее сущность, состояние и развитие как со стороны основных участников этого процесса, так и со стороны внешних акторов.

В частности, нет однозначных ответов на следующие, на наш взгляд, концептуальные вопросы:

- Что же следует понимать под «евразийством» и пространством евразийской экономической интеграции?
- Имеет ли евразийская экономическая интеграция свое особое место в системе международных интеграционных процессов?
- Каковы перспективы развития евразийской экономической интеграции после 2014 г.?

Причем необходимы ответы: максимум — удовлетворяющие всех участников евразийской экономической интеграции [в формате Таможенного союза (Единого экономиче-

ского пространства) трех стран, ЕврАзЭС и СНГ], минимум — понятные внешним ключевым экономическим партнерам стран евразийского интеграционного пространства. В этих условиях необходимость концепции, отвечающей на поставленные вопросы, очевидна.

На современном этапе таким основополагающим концептуальным документом должен стать Договор о Евразийском экономическом союзе. Однако в тексте проекта договора, на наш взгляд, перечисленные концептуальные аспекты евразийской экономической интеграции не отражены в должной степени.

Основным концептуальным противоречием развития процессов евразийской интеграции на современном этапе является то, что, с одной стороны, региональные интеграционные процессы развиваются в соответствии с концепцией развития СНГ, с другой — пространство СНГ не вписывается в современный сценарий создания и развития Евразийского экономического союза, отраженный в проекте договора. На наш взгляд, не сделан акцент на ряде актуальных вопросов, отражающих особенности современного этапа развития евразийских интеграционных процессов, в частности:

- во-первых, подписание Договора о создании Евразийского экономического союза становится новым этапом развития межгосударственных экономических отношений на постсоветском пространстве или переломным моментом для регионального сотрудничества в рамках СНГ;
- во-вторых, особенностью современного этапа является параллельное развитие процессов создания Евразийского экономического союза к 2015 г.; формирования общего регионального рынка — Единого экономического пространства; вступления стран Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России в ВТО; расширения состава участников евразийской экономической интеграции за счет стран СНГ;

- в-третьих, развитие евразийской интеграции имеет на современном этапе несколько уровней (или форматов) интеграционного сотрудничества: Зона свободной торговли (ЗСТ) СНГ — ЕврАзЭС — Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России (ТС) — Единое экономическое пространство трех стран (ЕЭП) — Евразийский экономический союз;

- в-четвертых, основными факторами устойчивости евразийского интеграционного пространства и одновременно предпосылками ее снижения являются процессы, происходящие на всем пространстве СНГ и не только с исключительным участием стран ТС (ЕЭП). В частности, начало деятельности Евразийской экономической комиссии; реформирование ЕврАзЭС (с последующей передачей с 1 января 2015 г. его институтов Евразийскому экономическому союзу); формирование ЗСТ СНГ (в течение 2013 г. Договор о ЗСТ СНГ должен вступить в силу для десяти стран СНГ); вступление в ВТО (с 22 августа 2012 г. пакет тарифных договоренностей РФ с ВТО стал частью правовой системы Таможенного союза). Ускоренный темп интеграции усугубляет существующие проблемы, связанные с согласованием экономической политики стран — участниц ТС (ЕЭП); встраиванием региональной торговой политики стран ТС в систему ВТО; расширением состава участников экономической интеграции [в рамках ЗСТ СНГ — ТС (ЕЭП) — Евразийского экономического союза].

В числе основных факторов риска, снижающих устойчивость ТС (ЕЭП) и всего пространства евразийской интеграции, выделяются неодинаковая готовность евразийских государств к участию в мировой торговле в силу разного уровня экономического развития и экономической открытости, а также неравенство доходов как одно из основных социально-экономических последствий процессов глобализации на пространстве СНГ. Наиболее очевидные проблемы регио-

нального товарного рынка обусловлены низким качеством продукции, необходимостью модернизации производства, потребностью в инвестициях и новых технологиях.

Главным фактором риска является низкая конкурентоспособность интеграционной группировки ТС (ЕЭП) и евразийских экономик СНГ. Вступление в ВТО обостряет противоречие между региональными и глобальными институтами по вопросам развития конкурентоспособности таможенного пространства и далее пространства Евразийского экономического союза. Учитывая структуру и направления внешней торговли стран ТС, существует опасность закрепления сырьевой международной специализации таможенного пространства, снижения конкурентоспособности обрабатывающих отраслей и отраслей АПК и в целом конкурентоспособности интеграционной группировки. При сохранении сложившихся внешнеторговых приоритетов наиболее ощутимые выгоды от вступления в ВТО получают поставщики минеральных ресурсов из стран ТС (ЕЭП) и поставщики промышленных товаров из Европейского Союза и КНР. Риски усугубляются проблемами неготовности к участию в международной торговой системе, необходимостью структурной экономической перестройки, неразвитой конкурентной средой, отсутствием опыта работы в рамках правового пространства ВТО.

Важным условием сохранения конкурентоспособности рынка стран ТС (ЕЭП) и в перспективе Евразийского экономического союза в условиях ВТО становится углубление интеграционных процессов в рамках (евразийского) рынка СНГ и в границах переходного (или адаптационного к правилам ВТО) периода.

Главным фактором устойчивости ТС (ЕЭП) и в конечном счете Евразийского экономического союза на современном этапе является рынок СНГ. Изменить географию, структуру внешней торговли и сохранить конкурентоспособность рын-

ка ЕЭП возможно лишь в рамках расширения имеющегося потенциала торгово-экономического сотрудничества со странами СНГ, в частности:

- во-первых, для стран СНГ значение рынка ТС (ЕЭП) намного превосходит его значимость для главных партнеров из дальнего зарубежья, поэтому устойчивая динамика сокращения доли переходных экономик в экспорте и импорте стран ЕЭП отражает тенденцию снижения интеграционного потенциала сотрудничества. Например, доля стран ЕЭП в товарообороте ЕС и КНР составляла в 2011 г. 9,5% и 2,6% соответственно. В то же время доля стран ЕЭП в товарообороте стран ЦА — 23%, Кыргызстана и Таджикистана — более 24%, Узбекистана — более 32%.

- Во-вторых, участие стран СНГ в ВТО означает рост мировой конкурентоспособности интеграционной группировки ТС (Евразийский экономический союз) и, соответственно, пространства евразийской экономической интеграции в целом (с 3,3% до 3,9% в мировом экспорте и с 78% до 92% в экспорте переходных экономик).

- В-третьих, мировая конкурентоспособность ЕЭП формируется в основном за счет сырьевых ресурсов (нефти, газа, металлов, радиоактивных и сопутствующих материалов), для торговли которыми в рамках ВТО создаются более благоприятные условия, а экспорт в страны СНГ имеет более диверсифицированный характер, что создает дополнительные возможности для развития национальных производств.

- В-четвертых, на этапе адаптации экономик ТС (ЕЭП) к правилам ВТО расширяются возможности экономического влияния интеграционной группировки на формирование правил мировой торговли путем консолидации позиций и интересов стран СНГ, являющихся членами или наблюдателями ВТО (членами ВТО являются Кыргызстан, Молдова, Армения, Украина, Россия, Таджикистан; наблюдателями

— Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Узбекистан). Новые преимущества заключаются в возможности совместного решения основных проблем либерализации, а также защиты ЕЭП и торгово-экономического пространства СНГ, в частности рынка сельскохозяйственных и промышленных товаров в рамках правового поля ВТО, участия в вопросах реформирования ВТО и обеспечения безопасности международного торгово-экономического пространства.

- В-пятых, отторжение стран СНГ от евразийского экономического пространства означает распад пространства евразийской интеграции, что представляется недопустимым, особенно в современных условиях глобального кризиса, сокращения динамики роста развитых экономик, повышенных рисков региональной экономической безопасности, и означает сокращение пространства для экономического роста и конкурентоспособности стран ТС (ЕЭП) — Евразийского экономического союза.

В связи с этим стратегически важно в переходный период от Таможенного союза к Евразийскому экономическому пространству предусмотреть все возможности «гибкой интеграции», то есть участие в общеевразийских интеграционных процессах всех стран СНГ, что позволит сохранить постсоветское экономическое пространство в качестве зоны динамичного развития, конкурентоспособности, экономической устойчивости и безопасности Евразийского экономического союза и закрепить место евразийской интеграции в системе международных интеграционных процессов.

Новым фактором интеграции становится специфика экономической и политической среды. Нельзя не учитывать глобальные тенденции, обусловленные геоэкономическим соперничеством за природные (энергетические) ресурсы СНГ, и появление альтернативных евразийству внешних концепций интеграции, в частности для региона Центральной

Азии. В этих условиях интеграционной «тройке» на новом этапе необходима новая евразийская политика в рамках концепции, нацеленной на создание стимулов к индустриально-инновационному сотрудничеству на региональном рынке, повышение значимости фактора выравнивания уровня социально-экономического развития стран региона.

Успешная реализация данной политики предполагает формирование нового восприятия евразийской интеграции — не как процессов экономического доминирования, а как процессов интеграционного сотрудничества, направленных на обеспечение макроэкономической и социальной устойчивости и динамичного развития евразийского экономического пространства в целом.

Требуют пересмотра основные принципы взаимодействия стран ТС с европейскими странами СНГ и странами ЦА. Необходимо иметь в виду разную значимость регионов в формировании макроэкономической, социальной стабильности и роль в формировании «неделимого пространства безопасности». «Тройку» ТС (ЕЭП) следует рассматривать в качестве гаранта социально-экономической безопасности пространства СНГ, европейские страны СНГ — с позиций расширения экономических масштабов региональной интеграции, а Центральную Азию — с точки зрения безопасности южных экономических границ в условиях угрозы геополитического реформирования региона.

Таким образом, на наш взгляд, в концепции евразийской интеграции в рамках Договора о Евразийском экономическом союзе необходимо:

1. Углубить «евразийскую» сущность происходящих интеграционных процессов и создаваемого союза. В существующем проекте Договора о Евразийском экономическом союзе нет обозначения границ «евразийства» и евразийского экономического пространства, не раскрыто понятие общего

евразийского рынка (его отличия от Единого экономического пространства). Например, в Договоре о Европейском Союзе подчеркивается значимость устойчивого развития Европы и европейского рынка для перспектив ЕС. В частности, отмечается, что ЕС создает внутренний рынок, обеспечивая устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, высокой степени конкурентоспособности социальной рыночной экономики, полной занятости, социального прогресса, высокого уровня охраны окружающей среды, научно-технического прогресса и т.д.

2. Дать определение понятию «уровень интеграционного взаимодействия» с учетом существующих форматов интеграционного взаимодействия (ЗСТ СНГ — ТС — ЕЭП — Евразийский экономический союз) и перспектив расширения сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза.

3. Рассматривать экономическое пространство СНГ как «зону динамичного экономического роста, конкурентоспособности, экономической устойчивости и безопасности» создаваемого Евразийского экономического союза, не допускающая ее сокращения. В связи с этим придать «особый привилегированный характер» участию в евразийской интеграции стран ЕврАзЭС на этапе передачи его институтов в Евразийский экономический союз и обозначить преимущества стран Сообщества (а также стран СНГ) перед другими, третьими странами. Например, членство в ЕС предполагает возможность установления формата «продвинутого партнерства» государств-членов в пределах и порядке, предусмотренном договорами о ЕС и функционировании ЕС.

4. Учесть тот факт, что развитие евразийской экономической интеграции осуществляется в настоящее время в разных форматах: формате «жесткой интеграции» трех стран

ТС с возможным его расширением на страны ЕвразЭС и «мягкой (гибкой) интеграции» на пространстве СНГ (ЗСТ), что предполагает разные подходы к формированию интеграционной политики в отношении стран европейской части СНГ и Кавказа, ядром притяжения для которых является экономика России, и стран Центральной Азии, которые экономически тяготеют к Казахстану.

5. Определить приемлемые для всех региональных экономик правила участия в евразийской интеграции. Создать возможности для выбора формата интеграции, когда, например, членство в ЗСТ СНГ или ТС не обязательно влечет за собой участие в Евразийском экономическом союзе, а членство в ТС не является обязательным условием для вступления в общий рынок и т.д. Например, внутри ЕС действуют соглашения, предполагающие разную степень интеграции: членство в ЕС, членство в зоне евро и участие в Шенгенском соглашении, при этом членство в ЕС не означает обязательного участия в Шенгенском соглашении и не все страны — члены ЕС входят в зону евро. Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария входят в общий рынок, не являясь членами ТС, и остаются членами Европейской ассоциации свободной торговли и т.п.

6. Предусмотреть возможность адаптации Договора о ЗСТ СНГ к условиям Договора о Евразийском экономическом союзе, а также заключения отдельных договоров между ТС и странами СНГ о ЗСТ или подписания меморандумов с Евразийской экономической комиссией и др.

7. Включить положение о реализации «политики выравнивания» как социальной доминанты Евразийского экономического союза и основного стимула к интеграционному сотрудничеству стран СНГ.

8. Рассмотреть в качестве базового элемента идею сплочения народов евразийского интеграционного пространства

и поиска евразийской идентичности как общего культурного наследия народов СНГ (системы ценностей, исторического опыта, традиций и других элементов культуры) по примеру ЕС, новый этап развития которого связан «с созданием все более сплоченного союза народов Европы».

**Взаимодействие государств ТС и ЕЭП
в экономической и финансовой сферах
— важнейший фактор их устойчивого развития**

Рахматулина Г.Г.

Значительным импульсом в повышении конкурентоспособности государств СНГ могут стать интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Локомотивом интеграции сегодня в Содружестве являются Таможенный союз и Единое экономическое пространство.

Финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 г. по всему миру, стимулировал поиск новых моделей минимизации экономических рисков и устойчивого развития. Это привело к активизации региональных интеграционных процессов.

С 1 января 2010 г. заработал Таможенный союз между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией. 18 ноября 2011 г. президенты Беларуси, Казахстана и России подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции и определили 1 января 2012 г. датой начала функционирования Единого экономического пространства, обеспечивающего свободу движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов.

С формированием Таможенного союза и Единого экономического пространства создается огромный рынок с населением 170 млн человек. По оценкам экспертов, функционирование ТС и ЕЭП позволит стимулировать экономическое развитие государств и может дать дополнительно до 15% роста ВВП стран-участниц к 2015 г.

Главным индикатором состояния интеграционных процессов в рамках ТС и ЕЭП является уровень развития вза-

имной торговли между государствами-участниками. В целом за период с начала функционирования Таможенного союза оборот взаимной торговли увеличился почти в два раза. В 2011 г. взаимный товарооборот между тремя странами составил 63,1 млрд долл. США, в 2012 г. — 68,6 млрд.

Это стало возможно благодаря тому, что в рамках ТС и ЕЭП были созданы условия для ускорения товародвижения. Так, с 1 июля 2010 г. на внутренних границах Таможенного союза были отменены процедуры таможенного оформления, а с 1 июля 2011 г. таможенный контроль с внутренних границ ТС перенесен на внешние. В рамках Единого экономического пространства осуществляется практическая реализация «четырёх свобод», предполагающих проведение нашими странами единой торговой политики и согласованной политики в реальном секторе экономики.

Государства ТС и ЕЭП демонстрируют неплохие результаты экономического роста. Прирост произведенного ВВП за 2012 г. в целом по ТС и ЕЭП составил 3,5% по сравнению с 2011 г. За первое полугодие 2013 г. темп экономического роста ТС и ЕЭП составил 2%.

В числе преимуществ от интеграции в рамках ЕЭП можно выделить существенное расширение возможностей кооперирования, обмена технологиями и инвестициями. В результате ликвидации многих ограничительных барьеров и появившейся возможности создавать на территории одного из государств производства, ориентированные на общий рынок «тройки», значительно повышается привлекательность экономик Беларуси, Казахстана и России для инвесторов.

Формируются еще большие возможности для развития благоприятной рыночной среды и роста взаимной торговли и инвестиций. Сегодня страны ЕЭП активно сотрудничают в нефтегазовом, электроэнергетическом, банковском секторах, атомной, металлургической, химической, фармацевтической,

машиностроительной промышленности. В указанных отраслях создаются совместные предприятия и рассматриваются возможности совместного выхода на рынки третьих стран.

В качестве конкретного примера можно привести рост совместных предприятий в Беларуси и Казахстане.

В Беларуси только за 2012 г., по данным Белстата, количество предприятий с участием российского капитала увеличилось на 553 предприятия (на 26%) и составило 2 670 предприятий, в том числе по совместным предприятиям увеличение на 300 предприятий (на 23%) — до 1 611.

Доля предприятий с участием российского капитала в общем количестве предприятий с участием иностранного капитала в Беларуси составляет 38,6%.

Также растет число совместных предприятий в Казахстане. Только за 2012 г. количество зарегистрированных совместных российско-казахстанских предприятий увеличилось на 832 (на 9,8%) и составило 9 287.

Важно, что деловые круги все более активно используют имеющиеся преимущества ТС и ЕЭП, и не только за счет сближения условий ведения бизнеса, но и за счет создания общей безбарьерной экономической среды.

Кроме того, конкуренция юрисдикций двигает нас к совершенствованию законодательства и как следствие — растет инвестиционная привлекательность.

В условиях активизации интеграционных процессов в рамках «тройки» существенное значение приобретает более тесное взаимодействие российского бизнеса с партнерами по Таможенному союзу. На повестке дня стоят задачи по развитию экспортного потенциала наших стран. В частности, для Беларуси экспортноориентированными отраслями являются производство минеральных удобрений, минерального топлива, нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность, производство древесины, мясомолочная промышлен-

ность, машиностроение. Для Казахстана в широкой международной торговле имеются благоприятные конкурентные условия для расширения экспортного производства зерна и изделий мукомольно-крупяной промышленности, минерального топлива, нефти и нефтепродуктов, продуктов неорганической химии, черных и цветных металлов. Таким образом, при сближении товарных рынков с партнерами по ТС — ЕЭП перед Россией стоит задача активного создания совместных предприятий в сфере энергетики, сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности.

На повестке дня стоят вопросы повышения конкурентоспособности государств ЕЭП, развития производств с высокой добавленной стоимостью, активизации сотрудничества наших стран в научно-технологической сфере.

Развитию инвестиционного сотрудничества наших стран будет способствовать создание общего финансового рынка, который обеспечит эффективное распределение капитала, позволит диверсифицировать риски, повысить конкуренцию на рынке финансовых услуг и снять барьеры по взаимному допуску.

Следует отметить, что экономики трех стран развивались с разной скоростью, в результате чего сегодня существуют различия в регулировании и надзоре на финансовом рынке. Поэтому первым шагом на пути к интеграции является гармонизация национальных законодательств стран — участниц ЕЭП в финансовой сфере.

В связи с этим планируется до конца года подписать два соглашения: Соглашение о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках государств — членов ЕЭП и Соглашение по обмену информацией между уполномоченными органами государств — членов Единого экономического пространства и Евразийской экономической комиссии.

Целью первого соглашения является сближение подходов к регулированию деятельности на финансовом рынке, в частности в сфере требований и условий выдачи лицензии на осуществление финансовых услуг. Реализация второго соглашения создаст условия надзорным органам для обмена как общедоступной информацией, так и информацией конфиденциального характера.

Важным элементом общего финансового рынка государств ЕЭП является рынок ценных бумаг. В этом направлении Евразийской экономической комиссией проводится работа по формированию механизма взаимного признания лицензий брокеров, дилеров на территории ЕЭП. Реализация данного направления даст большой импульс активизации финансового сотрудничества наших стран и будет способствовать динамичному их развитию.

Формирование общего финансового рынка в рамках ЕЭП предполагает создание соответствующего наднационального органа, главной целью которого должно стать обеспечение условий для эффективного функционирования единого финансового рынка государств — участников ЕЭП. Данный вопрос в настоящее время прорабатывается Евразийской экономической комиссией совместно с компетентными органами сторон. Нами изучен мировой опыт создания и функционирования единого регуляторного органа. В частности, весьма полезен опыт Европейского Союза, где в настоящее время функционируют такие финансовые структуры, как Европейский банковский орган (European Banking Authority — ЕВА), Европейский орган по страховому рынку и пенсионным фондам (European Insurance and Occupational Pensions Authority — EIOPA) и Европейский орган по Рынку ценных бумаг (European Securities and Markets Authority — ESMA) соответственно. Их деятельность будет способствовать укреплению стабильности финансовой системы ЕС.

В связи с этим предполагается, что основными функциями создаваемого в рамках ЕЭП наднационального финансового органа должны стать разработка и утверждение регуляторных требований по секторам финансового рынка с учетом наилучшей международной практики, мер по защите прав и интересов инвесторов и потребителей финансовых услуг, выработка предложений по гармонизации и унификации законодательства государств — участников ЕЭП, мониторинг и контроль соблюдения регулятивных требований, рекомендаций и директив национальными уполномоченными органами, осуществляющими надзор на финансовых рынках государств — участников ЕЭП и др.

Функционирование единого наднационального органа государств ЕЭП будет способствовать повышению уровня гармонизации и унификации законодательств стран ЕЭП, повышению прозрачности рынков, усилению защиты прав и интересов инвесторов и потребителей финансовых услуг, что положительно отразится на повышении темпов экономического роста участников ЕЭП, активизации инвестиционного сотрудничества между ними и создаст условия для устойчивого развития государств ЕЭП.

Более глубокие интеграционные процессы, направленные на формирование Единого экономического пространства и создание к 2015 г. Евразийского экономического союза, ставят новые цели и задачи, а также требуют от сторон перехода к новому уровню взаимодействия по всем направлениям интеграции, включая регулирование рынков наиболее чувствительных групп товаров. К одной из таких групп относится алкогольная продукция.

В этой связи Коллегией Евразийской экономической комиссии была создана соответствующая рабочая группа по подготовке проекта международного договора, направленного на создание единого рынка алкогольной продукции на

единой таможенной территории Таможенного союза и в Едином экономическом пространстве.

В состав рабочей группы вошли представители комиссии, всех заинтересованных государственных органов сторон, а также участников алкогольного рынка. В рамках деятельности рабочей группы было проведено более десяти заседаний экспертов в различном формате.

Итогом деятельности рабочей группы является *проект Соглашения о регулировании производства и оборота алкогольной продукции на единой таможенной территории Таможенного союза и в Едином экономическом пространстве*, разработанный во исполнение решений Совета комиссии, Высшего евразийского экономического совета и в целях реализации Соглашения о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 г., Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г., Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТС).

Предпосылками для подготовки проекта соглашения послужил ряд барьеров в этой сфере, в том числе такие, как дискриминационный «обеспечительный платеж», наличие института «специмпортеров», иные обременительные и дискриминационные требования в отношении участников алкогольного рынка сторон.

Разработанный проект соглашения носит комплексный характер и предусматривает:

- формирование основных принципов государственного регулирования производства и оборота алкогольной продукции;
- недопустимость ограничения конкуренции, в том числе запрет на совершение антиконкурентных действий участниками алкогольного рынка и государственными органами сторон;

- национальный режим и режим наибольшего благоприятствования для алкогольной продукции, участников алкогольного рынка и инвестиций в сфере алкогольного рынка;
- гармонизацию национального законодательства сторон с учетом международных принципов и наилучшей практики регулирования алкогольного рынка;
- прозрачность регулирования производства и оборота алкогольной продукции;
- механизм взаимодействия государственных органов при контроле и надзоре над производством и оборотом алкогольной продукции и др.

Вместе с тем в целях обеспечения взаимного доверия участников алкогольного рынка и государственных органов сторон к системам регулирования производства и оборота алкогольной продукции, а также устранения барьеров в этой сфере предполагается, что проект соглашения будет распространять свое действие не только на оборот алкогольной продукции, но и на связанные с оборотом составляющие производства такой продукции в части, необходимой для достижения целей проекта соглашения.

Следует отметить, что проект нацелен на формирование единого рынка алкогольной продукции и решение поднятых участниками алкогольного рынка проблемных вопросов и предусматривает комплексный механизм их разрешения в одном соглашении.

В настоящее время разработка проекта соглашения завершается. Для последующего направления сторонам на внутригосударственное согласование его редакция с учетом принятых замечаний и предложений будет рассмотрена Коллегией комиссии в ближайшее время на одном из заседаний.

Реализация данного соглашения будет способствовать углублению взаимодействия бизнес-структур государств ЕЭП в столь чувствительной сфере, созданию конкурентной

среды на рынке алкогольной продукции, развитию торгово-экономических связей между странами в данном секторе экономики.

Важным фактором развития инвестиционного сотрудничества наших стран является создание правовых условий в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. В этом направлении комиссией проводится активная работа.

В соответствии со статьей 3 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. комиссия осуществляет свою деятельность в том числе и в сфере охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации товаров, работ и услуг.

Основными направлениями деятельности ЕЭК в этой сфере являются:

- гармонизация и унификация законодательства в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности;
- повышение инвестиционной привлекательности государств — членов ТС и ЕЭП за счет создания благоприятных инновационных условий;
- формирование цивилизованного рынка интеллектуальной собственности на территории ЕЭП.

На сегодняшний день основными документами, формирующими договорно-правовую базу ЕЭП в данной сфере, являются:

- *Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности (Базовое соглашение);*
- *Соглашение о едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств — членов Таможенного союза.*

Цель базового соглашения — необходимость реализации согласованной системы мер, направленных на охрану и за-

щиту прав интеллектуальной собственности и борьбу с международной торговлей контрафактными товарами. Принципы формирования Единого экономического пространства, основанные на реализации «четырёх свобод», обусловили необходимость гармонизации и унификации норм регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности.

Соглашение установило принципы унификации законодательства по вопросам:

- авторского права и смежных прав;
- товарных знаков;
- наименования мест происхождения товара;
- патентных прав.

Для развития единой скоординированной системы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности в целях реализации норм базового соглашения в настоящее время комиссия совместно со сторонами занимается разработкой следующих международных договоров:

- Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров на территории государств Единого экономического пространства;
- Договора о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности;
- Соглашения о едином порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе.

Их реализация будет способствовать решению многих проблем в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, развитию инвестиционного сотрудничества государств ЕЭП.

Важным фактором инвестиционной привлекательности наших стран является создание условий для свободного движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы. Принципиальное значение в связи с этим имеет реализация Со-

глашения о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 г., главным принципом которого является предоставление поставщикам услуг в рамках ЕЭП благоприятного режима. Реализация данной нормы во многом будет способствовать повышению деловой активности бизнес-структур в странах ЕЭП. Вместе с тем указанное соглашение в части формирования сторонами общего рынка услуг имеет ряд ограничений, отраженных в приложениях I—IV к соглашению. В связи с этим нашими странами проводится работа по либерализации отношений в сфере услуг и инвестиций. Так, решением Коллегии от 14 мая 2013 г. №111 принят проект Протокола о внесении изменений в указанное выше соглашение, направленных на либерализацию доступа финансовых организаций на рынок услуг государств ЕЭП, что во многом будет способствовать активизации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества наших стран.

Важнейшим направлением деятельности Евразийской экономической комиссии в настоящее время является разработка проекта Договора о Евразийском экономическом союзе. Эта работа должна быть завершена не позднее начала 2014 г. с тем, чтобы уже с 1 января 2015 г. Евразийский экономический союз начал функционировать.

В целях разработки этого документа создана соответствующая рабочая группа, в состав которой вошли представители государственных органов Беларуси, Казахстана и России. Предполагается, что в проект договора будут включены актуальные элементы нормативно-правовой базы ЕврАзЭС, в том числе в части, касающейся энергетики, транспорта, социальной сферы, гуманитарного сотрудничества. В данном документе должны быть определены направления дальнейшего развития интеграционного процесса от ЕЭП к полноформатному экономическому союзу с возможным указанием

сроков выхода сторон на достижение соответствующих договоренностей.

Сегодня главной задачей является устранение исключений и барьеров в интеграционном взаимодействии наших стран. Евразийская экономическая комиссия принимает активное участие в этом процессе. В частности, сформирован перечень существующих изъятий, который направлен сторонам для согласования. Предполагается, что к 2015 г. все они должны быть ликвидированы, потому что с 1 января 2015 г. Евразийский союз должен заработать без каких-либо исключений или барьеров. Эту задачу перед нами поставили президенты наших стран. В связи с этим в государствах ЕЭП активизировались процессы формирования полноценного, развитого внутреннего единого рынка, который в ближайшей перспективе должен трансформироваться в Евразийский союз.

Также наши страны определили необходимость включения в указанный проект Договора положений, касающихся основных направлений координации национальных промышленных политик. Эта работа будет проводиться Консультативным советом по взаимодействию ЕЭК и белорусско-казахстанско-российского сообщества.

Таким образом, сегодня нет альтернативы региональной интеграции. Без экономического сотрудничества и создания условий для свободного движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы наши страны могут столкнуться с перспективой дальнейшего подчинения своих экономик сырьевым запросам крупных центров международного влияния. Поэтому Евразийской экономической комиссией совместно с правительствами сторон проводится работа по созданию единого правового поля хозяйственной деятельности, в котором, наряду с унификацией таможенного законодательства, будет оперативно вводиться унификация валютного, финансового

и гражданского регулирования. А это, в свою очередь, будет способствовать росту инвестиционной привлекательности ТС и ЕЭП, устойчивому развитию наших стран.

Перспективные направления и инструменты антикризисного сотрудничества Казахстана и России в контексте интеграции финансовой сферы ЕЭП

Додонов В.Ю.

Влияние мировых финансовых кризисов на экономики как России, так и Казахстана носит чрезвычайно острый характер. Последствия кризиса 2008—2009 гг. для Казахстана и России выразились среди прочего и в сильном падении темпов роста экономики (в Казахстане разница темпов роста в 2009 и 2007 г. составила почти 8%, в России — более 16%), которые превышали аналогичные потери в западных странах — источниках кризиса, и резком снижении объемов экспорта (рис. 1). Это делает проблему выстраивания системы антикризисного регулирования одной из приоритетных задач как на национальном, так и на межгосударственном уровне. Последняя задача может, на наш взгляд, более эффективно решаться в рамках интеграционных объединений и просто в режиме двустороннего сотрудничества, в том числе сотрудничества Казахстана и России.

Гипотетическая система антикризисного взаимодействия должна соответствовать природе самих кризисов и их влияния на экономики поражаемых стран, в связи с чем необходимо предварить предложения по ее формированию кратким обзором направлений этого влияния. Как известно, глобальные экономические кризисы последнего времени возникали как кризисы финансовые, зарождающиеся на финансовых рынках (в т.ч. на товарных) и затем охватывающие всю экономику через возникновение проблем у банков, которые становились каналами транзита этих проблем в реальный сектор

по линии сокращения кредитования как производителей, так и потребителей, в том числе населения, что вело к сжатию объемов совокупного спроса и снижению производственной активности. Соответственно, основных направлений влияния мировых кризисов на экономики как Казахстана, так и России два — по линии снижения мировых цен на экспортное сырье и по линии внешних шоков для национальных финансовых систем. В контексте формирования антикризисных механизмов большего внимания заслуживает второе направление, поскольку, в отличие от первого, проявляется на национальном уровне и должно нейтрализовываться национальными регуляторами.

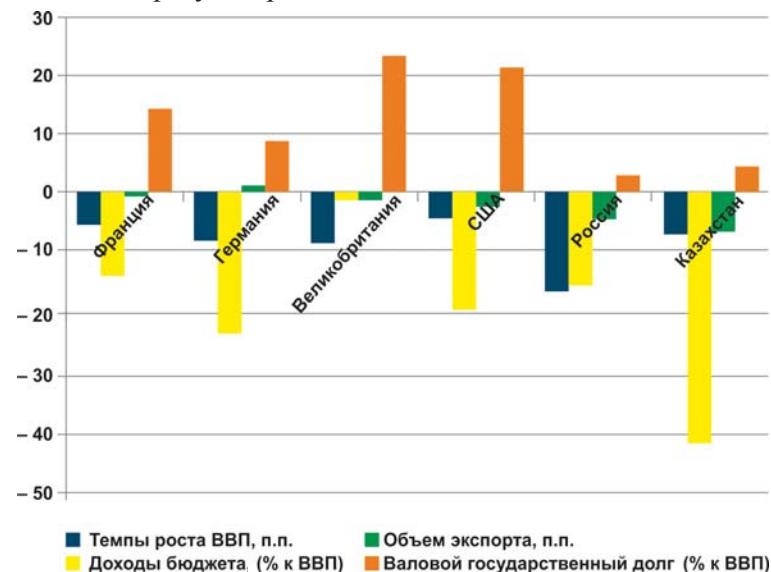

Рис. 1. Изменение основных макроэкономических показателей в период кризиса 2007—2009 гг. (разница между показателями 2009 и 2007 г.) для ведущих западных экономик, России и Казахстана

Источник: рассчитано согласно данным IMF World Economic Outlook Database, October 2013.

Однако на практике такая нейтрализация внешних шоков затруднена. В период кризиса банки России и, в еще большей степени, Казахстана резко свернули свою кредитную деятельность (рис. 2).

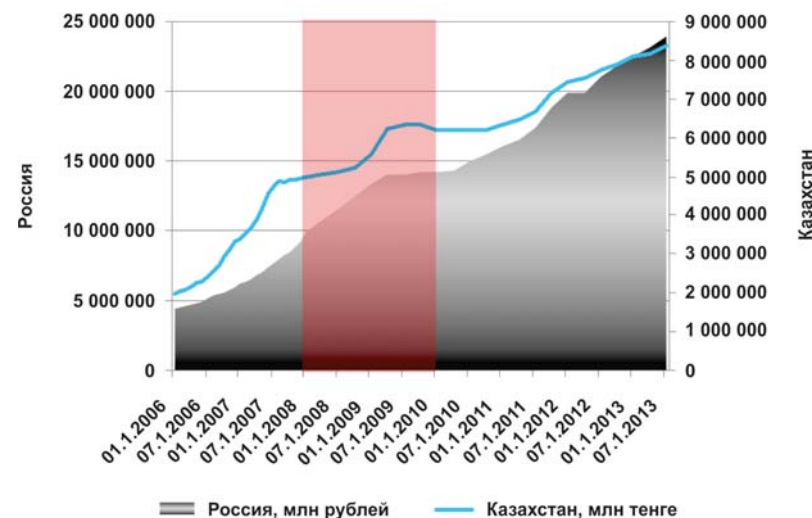

Рис. 2. Динамика требований банковских секторов России и Казахстана к нефинансовым организациям в околокризисный период

Источники: Монетарный обзор по банковской системе, млн тг / на конец периода. Национальный банк РК // <http://www.nationalbank.kz>; Показатели денежно-кредитной и финансовой статистики 2001—2007 гг., показатели денежно-кредитной и финансовой статистики 2008—2013 гг. Банк России. Денежно-кредитная и финансовая статистика // <http://www.cbr.rus>.

В 2008—2009 гг. объем кредитования либо оставался на примерно одном уровне, либо даже снижался (рост графиков в этот период обусловлен девальвацией рубля и тенге, тогда как фактически с учетом ослабления национальных валют роста не было). В Казахстане этот период длился дольше, начавшись еще в 2007 г. и продолжаясь до 2011 г., в России рост кредитования банками экономики возобновился немного раньше — во второй половине 2010 г., однако в любом

случае банковские системы обеих стран оказались легко уязвимы к внешним шокам кризиса.

Другим важным каналом трансфера мировых кризисов на национальный уровень выступает миграция капиталов, в том числе изменение направлений инвестиционных потоков, которые в условиях высокой мобильности в кризисных ситуациях становятся мощным фактором негативного влияния на платежный баланс и, как следствие, — на национальные финансовые системы по линии давления на курсы валют. В период последнего кризиса снижение притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) как в Россию, так и в Казахстан (рис. 3) стало очень существенным фактором осложнения ситуации на внутреннем валютном рынке, во многом обусловив девальвации национальных валют и вызвав тем самым ряд существенных макроэкономических проблем.

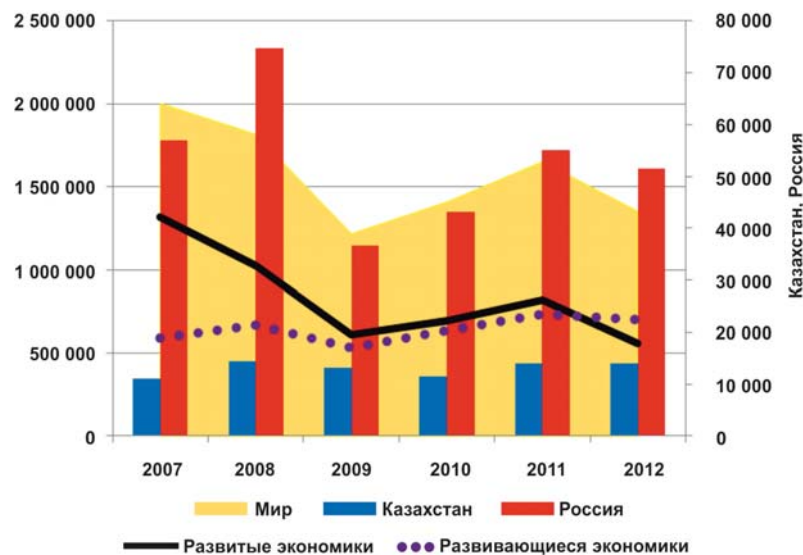

Рис. 3. Динамика притока прямых иностранных инвестиций в 2007—2012 гг.

Источник: World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. United Nations, 2013.

Так, в Россию приток ПИИ в 2009 г. снизился двукратно относительно уровня 2008 г., а за два года (2008—2010 гг.) этот показатель уменьшился в России на 42%, а в Казахстане — на 19% при том, что среднемировое снижение составило 22%, а среднее для развивающихся стран снижение — только 5%. Таким образом, как Россия, так и Казахстан пострадали от кризиса по линии сокращения иностранных инвестиций в несколько раз сильнее, чем развивающиеся страны в целом, что свидетельствует о большей уязвимости наших стран к фактору изменчивости инвестиционных настроений.

Таким образом, к основным факторам негативного влияния мировых кризисов на экономики России и Казахстана можно отнести следующие: снижение цен на товарных рынках, уязвимость банков к внешним шокам и резкое изменение в потоках капитала, ведущее к давлению на национальные валюты, их снижение и последующая разбалансированность макроэкономической стабильности. В контексте формирования антикризисных систем целесообразно рассмотреть эти каналы переноса кризисных явлений подробнее.

Так, основной причиной уязвимости банков России и особенно Казахстана к прошлому мировому кризису стала высокая доля иностранных источников фондирования в пассивах банков, вызванная благоприятными условиями привлечения средств из-за рубежа в середине 2000-х гг. по сравнению с условиями на национальных финансовых рынках. Это привело к резкому увеличению задолженности казахстанских и российских банков перед зарубежными партнерами, что, в свою очередь, сформировало зависимость банковских балансов от текущих условий, в том числе от ставок привлечения средств и от курсов национальных валют относительно валют, в которых осуществлялись зарубежные займы. Эта ситуация вызывала обеспокоенность уже в 2007 г. Так, летом 2007 г. на банковском форуме в Нижнем Новгороде первый

зампред Банка России Геннадий Меликьян указал на то, что уровень внешних займов в целом по банковской системе составляет 15% от пассивов банков, причем у некоторых кредитных организаций он заметно выше, в отдельных случаях — до 50% [1]. В Казахстане же ситуация в этой области была гораздо более напряженной, так как в том же 2007 г. доля иностранного фондирования в казахстанской банковской системе превысила 50% — на 1 января 2008 г. объем внутренних обязательств банков составлял 4 796 млрд тг, а внешних — 5 464 млрд [2]. Вследствие высокой зависимости от иностранного фондирования с началом первых признаков кризиса в 2007 г. у банков начались проблемы. В частности, банкам Казахстана были снижены кредитные рейтинги, в результате чего рефинансирование ранее взятых за рубежом кредитов стало значительно дороже, что привело к возникновению первых проблем с ликвидностью. Усугубились проблемы банков обеих стран девальвацией национальных валют (примерно на 50% в России и примерно на 25% в Казахстане), что резко повысило стоимость обслуживания внешних займов.

Опыт середины 2000-х гг. и последовавшего кризиса обусловил существенное снижение доли иностранного фондирования в структуре банковских пассивов. В Казахстане эта доля сократилась особенно резко, уменьшившись к сентябрю 2013 г. до 11% [3], то есть без малого в пять раз. В России, впрочем, сложилась несколько иная ситуация — если поначалу доля средств, привлеченных от нерезидентов, незначительно сократилась (на 1 января 2011 г. она составила 11,7%, на 1 января 2012 г. — 13,7%), то в настоящее время вновь увеличивается и на 1 октября 2013 г. достигла 17,8% (3 103 млрд руб. из общего объема в 17 435 млрд) [4]. Несмотря на снижение роли иностранного фондирования в привлекаемых банками Казахстана и России средств, этот фактор сохраняет свой негативный потенциал в случае возникновения нового

кризиса, так как осложнение выплат даже по 15—20% пассивов может существенно разбалансировать функционирование банковской системы, привести к обострению проблем ликвидности и в конечном счете потребовать государственной поддержки.

Другим потенциально кризисообразующим очагом является ситуация с потоками капитала. Рассмотренная выше негативная динамика с прямыми иностранными инвестициями в период кризиса является лишь частью данной проблемы, так как, помимо ПИИ, свой вклад в миграцию капиталов вносят и другие виды иностранных инвестиций — портфельные, прочие, инвестиции в производные финансовые инструменты, которые в совокупности, как правило, превышают объем ПИИ. При этом именно эти три вида иностранных инвестиций отличаются большей мобильностью и склонностью к уходу с развивающихся рынков в случае кризиса — это обусловлено тем, что данные виды инвестиций связаны преимущественно с высоколиквидными финансовыми инструментами, а не основными фондами, как ПИИ. Так, в 2009 г. именно «прочие» инвестиции (в основном представленные долговыми обязательствами разного рода) обусловили резкий отток иностранных инвестиций из России. А о значимости фактора миграции мобильного инвестиционного капитала в условиях кризиса можно судить по динамике ввоза/вывоза капитала из России (рис. 4), пик которой был зафиксирован в форме вывоза в кризисном 2008 г., составив 132 млрд долл. США.

Столь бурная реакция иностранных инвесторов на кризисные явления применительно к России и Казахстану (где в кризисные 2008—2010 гг., хотя и не было отрицательной величины чистого ввоза/вывоза капитала, но ввоз упал примерно десятикратно по сравнению с предкризисным 2007 г.), на первый взгляд, не очень рациональна. Страны остаются с

перспективными недоосвоенными рынками для сбыта товаров, производимых на предприятиях с высокой долей ПИИ. Фондовые рынки обеих стран сильно недооценены по сравнению не только с развитыми, но и со многими так называемыми «формирующимся» рынками. Как Россия, так и Казахстан имеют здоровые системы государственных финансов, не отягощенные избыточными долгами и дефицитами бюджета, что в посткризисный период характерно для большинства развитых стран. У обоих государств крупные размеры международных резервов (табл. 1), по которым Россия находится на третьем-четвертом месте в мире, а Казахстан входит в 40 крупнейших стран, при этом имеются также значительные резервы, сосредоточенные в суверенных фондах и государственных корпорациях (у Казахстана размер этой части государственных активов в разы превышает объем официальных резервов Национального банка).

Рис. 4. Чистый ввоз/вывоз капитала в Россию частным сектором в 2005—2013 гг., млрд долл. США

Источник: Платежный баланс и внешний долг Российской Федерации. I квартал 2013 г. Центральный банк РФ. — М., 2013. — С. 21.

Табл. 1. Первые 40 стран мира по объему официальных международных резервов по состоянию на конец июля 2013 г., млн долл. США

1	Китай (без Гонконга и Макао)	3 500 000
2	Япония	1 254 033
3	Швейцария	516 705
4	Россия	512 834
5	Бразилия	371 966
6	Корея	329 709
7	Индия	277 572
8	Сингапур	261 096
9	Германия	210 556
10	Мексика	172 812
11	Таиланд	172 249
12	Франция	154 888
13	Италия	154 705
14	США	147 316
15	Малайзия	137 835
16	Великобритания	129 200
17	Турция	124 187
18	Польша	110 130
19	Индонезия	92 671
20	Дания	86 632
21	Филиппины	83 172
22	Израиль	79 030
23	Канада	69 757
24	Перу	67 143
25	Швеция	65 236
26	Норвегия	58 720
27	Австралия	50 327
28	Румыния	48 715
29	Нидерланды	48 122
30	ЮАР	47 320
31	Испания	47 303
32	Венгрия	44 782
33	Чехия	44 691

34	Колумбия	41 048
35	Чили	40 083
36	Аргентина	37 049
37	Бельгия	27 808
38	Казахстан	26 042
39	Австрия	23 955
40	Украина	22 720

Источник: Time Series Data on International Reserves and Foreign Currency Liquidity. Official Reserve Assets, in Millions of US Dollars (end of month). IMF // <http://www.imf.org>.

При этом размеры государственного долга как в России, так и в Казахстане очень незначительны по сравнению со странами — лидерами мировых финансовых рынков, долговые обязательства которых практически не обеспечены государственными резервами (табл. 2). В отличие от США, Великобритании и еврозоны — эмитентов мировых резервных активов, которые обеспечены резервами этих экономик лишь на 1—7%, резервы России перекрывают ее государственный долг примерно в 2,5 раза (государственный долг на I квартал 2013 г. составлял 204 млрд долл. США), резервы Казахстана — примерно на 100% (в сентябре 2013 г. государственный долг страны измерялся 3 994 млрд тг, или около 26,5 млрд долл. США).

Табл. 2. Соотношение официальных резервов
и государственного долга развитых стран в 2013 г.

	Официальные резервы, август 2013 г.	Валовой долг центральных правительств, 1 кв. 2013 г.	Покрытие резервами долга, %
США	147 567	13 799 625	1,1
Великобритания	130 434	2 102 180	6,2
Еврозона	811 358	11 373 416	7,1
Франция	161 800	2 132 716	7,6

Германия	217 685	1 752 690	12,4
Япония	1 254 204	9 905 612	12,7

Источники: Official Reserve Assets In Millions of US Dollars (end of month). Data Template on International Reserves and Foreign Currency Liquidity. IMF, 2013 // <http://www.imf.org>; Gross Central Government Debt Position (US\$ millions). World Bank Public Sector Debt Statistics // <http://ddp-ext.worldbank.org>.

Однако при столь благоприятных показателях государственных финансов, недооцененности финансовых и товарных рынков иностранные капиталы все же очень быстро уходят из России и Казахстана в кризисных ситуациях, резко обостряя ситуацию в макроэкономике. На наш взгляд, это обусловлено двумя основными причинами — формальным ухудшением инвестиционных условий в наших странах вследствие понижения широкого спектра кредитных рейтингов, в том числе суверенных в периоды кризисов, и более общим фактором бегства капиталов в более надежные активы с развивающихся рынков. Эти причины, в свою очередь, вызываются двумя значимыми факторами — понижениями кредитных рейтингов развивающихся рынков рейтинговыми агентствами без учета объективных показателей состояния эмитентов (особенно суверенных) и ростом эмиссии долговых обязательств развитыми странами, которые в кризисные периоды решают свои проблемы за счет наращивания государственного долга (см. рис. 1), но это наращивание, с другой стороны, предоставляет возможности для «безопасного» размещения капиталов, уходящих с «рискованных» развивающихся рынков.

Фактор снижения кредитных рейтингов во время прошлого кризиса сработал достаточно быстро. Агентство Standard&Poor's понизило рейтинг России с BBB+ до BBB в декабре 2008 г., Казахстана — с BBB до BBB- в октябре 2007 г. Агентство Fitch провело аналогичное понижение рейтинга 9 ноября 2008 г. по Казахстану, 4 февраля 2009 г. — по России. Впрочем, если говорить о влиянии данных рейтин-

говых действий на наиболее чувствительный к ним финансовый сектор — фондовый рынок, то в России это влияние было практически нулевым, так как к декабрю 2008 г. котировки акций достигли дна после примерно пятикратного падения по индексу РТС (с 2 460 пунктов в мае 2008 г. до 535 в январе 2009 г.) и больше не могли падать даже на новостях о снижении суверенных кредитных рейтингов. Для Казахстана же снижение рейтингов имело большее значение, особенно в части банковских рейтингов, снижение которых привело к повышению стоимости заимствования и стало первым толчком к последующему банковскому кризису.

Не вдаваясь в мотивацию иностранных инвесторов и особенности их поведения на развивающихся рынках, можно просто отметить, что эти особенности должны учитываться при формировании системы антикризисного реагирования. В частности, необходимым элементом такой системы должны быть меры компенсаторного характера, способные нейтрализовать отток иностранного капитала из национальных экономик и тем самым предотвратить ухудшение платежного баланса и макроэкономическую дестабилизацию. Такие меры могут включать два направления: во-первых, формирование уверенности у иностранных инвесторов в сохранности их вложений в кризисных условиях и, во-вторых, собственно компенсаторные воздействия на рынки по возмещению уходящих за рубеж средств. Первое направление может включать дополнительные меры стимулирования производства и рынков, нацеленные на частичную нейтрализацию возможных потерь экономических агентов от кризисной ситуации (подобные программам автоутилизации). В рамках второго направления возможно прямое участие государства и государственных организаций в рыночных процессах, преимущественно на финансовых рынках, с целью поддержки котировок. Это, с одной стороны, позволит избежать обрушения рынков и потерь институциональных и

частных инвесторов и, с другой стороны, придаст уверенности иностранным инвесторам в устойчивости национальных рынков, что уменьшит вывоз ими капиталов.

Следует отметить, что примеры такого рода действий по влиянию на финансовые рынки в ходе прошлого кризиса имеются как в России, так и в Казахстане. В России эти действия были более масштабны — через государственный Внешэкономбанк на фондовый рынок были направлены средства Фонда национального благосостояния*. Эти меры были приняты своевременно — в октябре 2008 г., когда фондовый рынок стремился к своим минимумам, правительство РФ приняло решение разместить на депозите в ВЭБе средства ФНБ в сумме 175 млрд руб. для приобретения ценных бумаг российских компаний. Депозитный договор предусматривал, что средства ФНБ размещаются в ВЭБе на срок до 21 октября 2013 г. под 7% годовых, а доход выплачивается в конце срока действия депозита. В результате, после восстановления фондовых рынков, Внешэкономбанк вернул деньги досрочно, выплатив проценты по депозиту на 13,3 млрд руб. и при этом заработав около 100 млрд руб. прибыли, которая впоследствии была потрачена на другие направления поддержки экономики в условиях кризиса (профинансированы программа строительства доступного жилья и ипотеки в 2010—2013 гг., создание Экспортного страхового агентства России, программа поддержки малого и среднего бизнеса (через дочерний МСП банк). ВЭБ выходил с предложением об аналогичных действиях в июне 2012 г., когда российский фондовый рынок также ис-

* Поддержка фондового рынка с целью его стабилизации и диверсификации средств Фонда национального благосостояния была поручена Внешэкономбанку. Для реализации данных мер Внешэкономбанку были выделены средства в размере 175 млрд руб. из ФНБ РФ. По согласованию с Министерством финансов РФ, указанные средства инвестировались в инструменты российского финансового рынка. В декабре 2009 г. Внешэкономбанк досрочно вернул Министерству финансов РФ 175 млрд руб. средств ФНБ. Банк также выплатил 13,27 млрд руб. в качестве начисленных процентов по депозиту. — См.: *Деятельность по поддержке финансовой системы РФ // Официальный сайт Внешэкономбанка России // <http://www.veb.ru>*.

пытывал проблемы, и постфактум можно отметить, что такая мера в тот период также была бы эффективной и позволила бы банку заработать для Фонда национального благосостояния, поскольку в июне 2012 г. фондовый рынок стоял на локальных минимумах, после чего начался его рост. То есть деятельность ВЭБа по операциям на фондовом рынке была эффективной, позволив как осуществить поддержку рынка, так и получить существенный дополнительный доход, который также был использован в рамках антикризисной программы.

В Казахстане не было аналогичной программы по системной поддержке государством фондового рынка, но была практика выхода на открытый рынок крупнейшей нефтяной компании с государственным участием «КазМунайГаз», которая с ноября 2008-го по октябрь 2009 г. (т.е. также на пике падения рынков) проводила программу выкупа своих акций на Казахстанской фондовой бирже и ГДР на Лондонской фондовой бирже с аналогичными целями — поддержки рынка и уверенности инвесторов. Эта программа также была успешной — в общей сложности было приобретено 110 632 акции по средней цене 12 968 тг за штуку [5], а уже в 2010 г. цены на эти акции установились в диапазоне 19—24 тыс. тг. Таким образом, и казахстанский опыт противодействия кризисным явлениям на фондовом рынке был успешным.

В связи с этим представляется целесообразным ввести в систему антикризисного реагирования постоянно действующий элемент по открытым операциям на фондовом и других сегментах финансового рынка, позволяющий, с одной стороны, поддерживать котировки и смягчать масштабы падения рынков в кризисные периоды и, с другой стороны, получать дополнительные доходы для реализации других направлений государственной поддержки экономики. Этот элемент, по нашему мнению, должен быть представлен постоянно действующим механизмом связки «агент на рынке — государ-

ственные инвестиции». В качестве агента может выступать крупный государственный финансовый институт (например, в России — Внешэкономбанк, в Казахстане — Банк развития Казахстана), а источником долгосрочных инвестиций могут быть суверенные фонды (в России — Фонд национального благосостояния, в Казахстане — Национальный фонд). Если же рассматривать интеграцию данных антикризисных механизмов на межгосударственном уровне, то можно предложить формирование постоянно действующего консультативно-координационного органа, стыкующего действия национальных механизмов с целью повышения качества анализа текущей ситуации, совместных операций на рынках для повышения их эффекта за счет массовости покупок или продаж, более эффективного использования временного фактора (в тех случаях, когда рыночная ситуация в разных странах меняется с отставанием относительно друг друга и возможно задействование на одном из рынков ресурсов обеих стран, так как в другой стране еще или уже нет необходимости в их использовании). Ресурсы суверенных фондов как России, так и Казахстана достаточно значительны для того, чтобы даже частичное их использование в такого рода операциях позволило оказывать существенное стабилизирующее воздействие на финансовые рынки. С 2008 г. размеры как ФНБ России, так и НФ Казахстана выросли примерно в три раза (рис. 5) и на сегодня составляют соответственно 88 и 66 млрд долл. США. Совокупный размер данных фондов в 154 млрд долл. США является достаточно мощным ресурсом для влияния не только на внутренние, но и на внешние финансовые рынки.

Проблематика внешних рынков является вторым основным блоком в гипотетической системе антикризисного регулирования на национальном уровне. В данном случае совместные действия дву- или многостороннего характера еще более актуальны, чем в случае с компенсаторным влиянием

государства на национальные финансовые рынки. Большая перспективность совместных действий на внешних рынках сырья, от конъюнктуры которых сильно зависят экономики и Казахстана, и России, обуславливается тем, что две страны имеют достаточно весомые позиции на многих сегментах товарных рынков, особенно при рассмотрении объединенных долей (табл. 3).

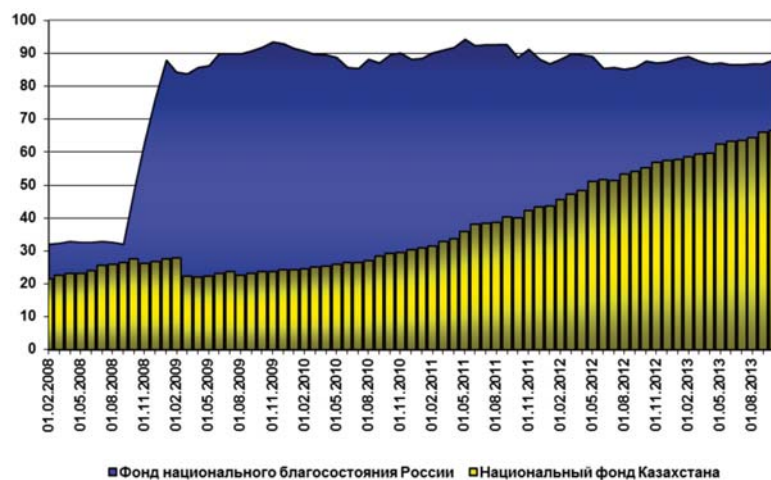

Рис. 5. Динамика объемов Фонда национального благосостояния России и Национального фонда Казахстана, млрд долл. США

Источник: рассчитано согласно данным Министерства финансов РФ: Совокупный объем средств Фонда национального благосостояния // <http://www1.minfin.ru> и Национального банка РК: Международные резервы и активы Национального фонда РК // <http://www.nationalbank.kz>.

В связи с тем, что Россия и Казахстан на отдельных рынках имеют достаточно сильные позиции — 10—20% мирового производства, целесообразно объединить усилия с тем, чтобы влияние двух стран на отдельных сегментах товарных рынков возрастало. Таких долей вполне достаточно для того, чтобы в критических ситуациях «двигать» рынки, то есть изменять ценовую конъюнктуру.

Табл. 3. Совокупные доли России и Казахстана в мировом производстве основных биржевых товаров

	Россия	Казахстан	Совокупный объем	Общий объем мирового производства	Доля России и Казахстана в мировом производстве
Нефть, млн т	485	71	556	3 941	14,1
Уголь, млн т	247	104	351	5 845	6,0
Алюминий, тыс. т	3 800	104	3 904	39 000	10,0
Медь, тыс. т*	740	405	1 145	15 400	7,4
Золото, т*	156,9	22	178,9	2 340	7,6
Серебро, т*	1 200	800	2 000	21 100	9,5
Феррохром, тыс. т*	570	1 200	1 770	8 370	21,1
Цинк, тыс. т*	185	386	571	10 900	5,2

* Данные по меди, серебру, феррохрому и цинку приведены за 2007 г.

Источник: рассчитано согласно данным International Energy Agency: Key world energy statistics 2009 и U.S. Geological Survey // <http://minerals.usgs.gov>.

Однако даже при условии формирования и реализации согласованной политики по влиянию на товарные рынки это влияние может быть эффективным в относительно краткосрочной перспективе, так как средне- и долгосрочные тренды обуславливаются более фундаментальными факторами, чем локальные операции по изменению рыночной конъюнктуры. В связи с этим целесообразно сформировать в рамках системы антикризисного реагирования принципиально новые инструменты поддержки производителей тех товарных групп, которым финансовые кризисы угрожают особенно сильными потерями в связи с биржевой основой ценообразования на их продукцию.

Такие системы антикризисного реагирования на ухудшение мировой товарной конъюнктуры могут, по нашему мнению, включать три типа регулятивных воздействий. Первый тип этих воздействий может оказываться непосредственно на мировых товарных рынках в случае возникновения заведомо краткосрочных спекулятивных провалов цен (подобных тому, который наблюдался в конце 2008 г.) на ключевые товары для российской и казахстанской экономик посредством интервенций государственных компаний или суверенных фондов. Второй тип реагирования на неблагоприятную ценовую конъюнктуру может быть создан на национальном уровне в форме специальных институтов — государственных ресурсных фондов, которые в периоды ценовых провалов на мировых рынках могли бы выкупать у отечественных компаний их продукцию по ценам выше текущих мировых, которые бы обеспечивали минимальную рентабельность и сохранение производства. Такие выкупы могли бы осуществляться на основе специальных контрактов, возможно, даже без физического извлечения сырья — ресурсный фонд выкупал бы не столько саму продукцию (нефть, медь, никель и пр.), сколько право на поставку этой продукции на те же внешние рынки

после стабилизации ценовой ситуации. Третий возможный тип антикризисного реагирования на падение мировых цен на товарных рынках предполагает непосредственную поддержку экспортирующих биржевые товары предприятий в том случае, если текущие мировые цены опускаются существенно ниже уровня рентабельности производства. На наш взгляд, в этом случае целесообразно прекращение поставок по таким ценам и временная остановка производства, но с сохранением оплаты персоналу и других текущих расходов предприятия для предотвращения снижения его конкурентоспособности. Инструментом реализации такого сценария деятельности предприятий-экспортеров может быть создание специального государственного агентства, функции которого включают выплаты курируемым предприятиям в кризисные периоды. Источники формирования средств для таких выплат в кризисные периоды могут быть разнообразны — страховые выплаты предприятий-экспортеров в благоприятные годы; прибыль, полученная другими государственными структурами, задействованными в антикризисной системе (например, предложенными выше ресурсными фондами или государственными банками, вкладывающими средства суверенных фондов — см. пример доходов ВЭБа на инвестициях в кризисный период); отложенные платежи самих предприятий после стабилизации рыночной ситуации; бюджетные расходы в части средств, выделяемых на борьбу с безработицей и создание рабочих мест.

Такая система поддержки, эшелонированная по уровням влияния и требующая согласованных действий на международном, национальном и микроуровнях будет значительно эффективней в случае создания ее на многосторонней межгосударственной основе, в том числе и в рамках экономической интеграции России и Казахстана. В перспективе такая система антикризисного реагирования может стать одним из

инструментов Евразийского экономического союза и охватывать широкий круг стран, в том числе имеющих более тесные отношения с ЕЭС, но не входящих в союз. Большая эффективность межгосударственной антикризисной системы обусловливается рядом факторов: большей результативностью влияния на конъюнктуру рынков в случае давления на котировки из разных стран и широким кругом участников рынка; транснациональным характером бизнеса, оперирующего в разных странах, что позволит оперативнее решать вопросы поддержки реального сектора государственными агентствами на наднациональном уровне; отмеченное выше большее влияние двух стран на отдельные сегменты товарных рынков; наличие большого объема финансовых ресурсов, которые можно направить на цели регулирования рыночной конъюнктуры или поддержки национального бизнеса; уже имеющиеся межфирменные связи двух стран, в рамках которых легче организовывать поддержку связанных общим акционерным капиталом компаний.

В целом предлагаемая система двустороннего (а в перспективе — многостороннего) антикризисного реагирования на мировые финансово-экономические кризисы может выглядеть следующим образом (рис. 6).

На наш взгляд, дополнение уже имеющихся инструментов поддержки экономики (бюджетные средства, Антикризисный фонд ЕврАзЭС и т.п.) новыми элементами, представленными на схеме, позволит, с одной стороны, более эффективно противостоять внешним шокам в кризисные периоды и, с другой — укрепить экономическую интеграцию России и Казахстана.

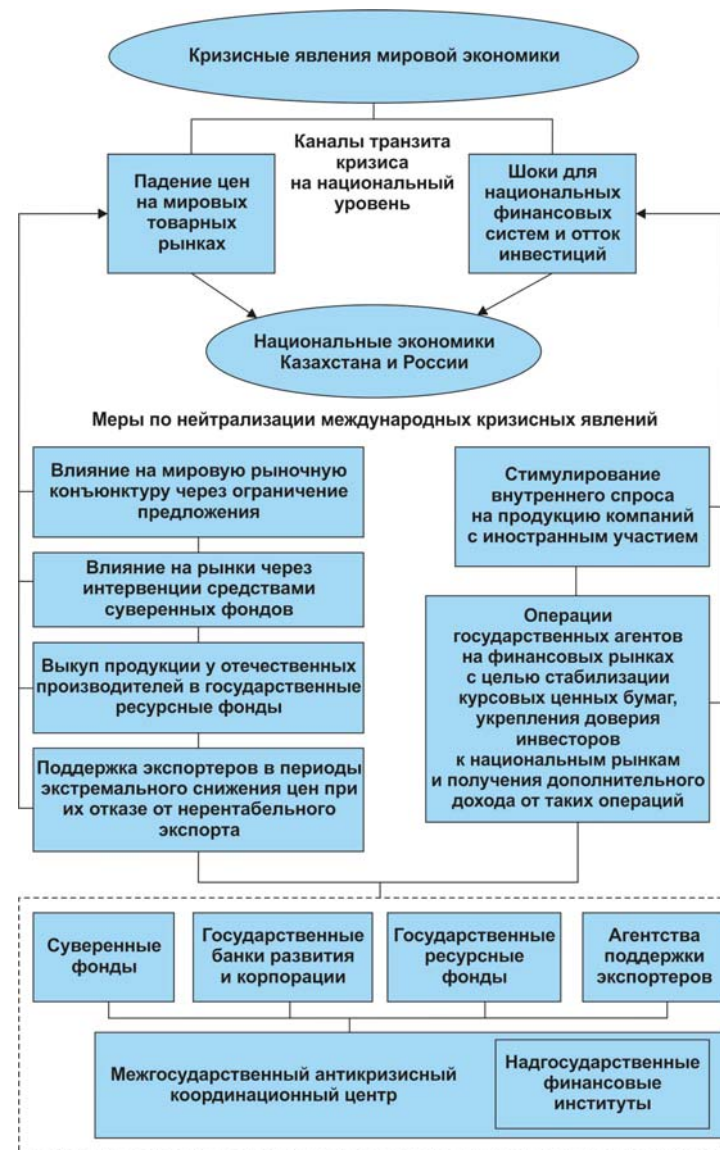

Рис. 6. Схема межгосударственного антикризисного реагирования

Литература

1. Российским банкам ограничат финансирование из-за рубежа // <http://www.newsru.com>.
2. Отчет о финансовой стабильности 2011. Национальный банк РК.
3. Текущее состояние банковского сектора Республики Казахстан по состоянию на 1 сентября 2013 г. Комитет по контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций Национального банка РК. — Алматы, 2013. — С. 8.
4. Обзор банковского сектора Российской Федерации. Центральный банк РФ // Экспресс-выпуск. — М.:, 2013. — №133.
5. Выкуп акций // Официальный сайт АО «НК «КазМунайГаз»» // <http://www.kmger.kz>.

Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии

Рогожина Н.Г.

2013 год объявлен ООН годом сотрудничества по воде. И сделано это было по инициативе Президента Таджикистана, что уже само по себе свидетельствует о том значении, которое страны Центральной Азии придают этой проблеме, и их стремлении привлечь международное сообщество к решению возникших в регионе конфликтов по трансграничным водным ресурсам.

Зависимость стран региона от трансграничных водных ресурсов, спрос на которые неуклонно возрастает, создает основу для появления и обострения межгосударственных разногласий по вопросам распределения этих ресурсов. В свою очередь, перед Россией как геополитическим игроком в Центральной Азии встает важная задача по определению своей позиции в этой ситуации.

Уже более 20 лет между странами Центральной Азии не утихают споры относительно использования трансграничных водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи, которые то ослабевают, то вспыхивают с новой силой, но все попытки, прилагаемые на региональном и международном уровне, найти выход из сложившейся ситуации заканчивались фиаско. В Центральной Азии ходит шутка, что если бы каждый специалист, занимающийся водными проблемами в регионе, принес с собой ведро воды вместо написания статьи на эту тему, то проблема была бы решена [1].

В отличие от других регионов мира с трансграничными водными ресурсами Центральная Азия унаследовала от советского прошлого такую систему водного хозяйства, кото-

рая была ориентирована на обслуживание экономических интересов региона как единого экономического комплекса. Распределение и использование водных ресурсов — один из самых сложных вопросов, вставших перед странами региона после распада СССР, когда управление водными ресурсами трансграничных рек (в первую очередь Амударьи и Сырдарьи) носило централизованный характер и обеспечивалось за счет применения компенсационного механизма — страны верхнего течения (Кыргызстан и Таджикистан), где сосредоточены основные запасы воды, обеспечивали ею страны нижнего течения (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан) для развития орошаемого земледелия, а взамен получали плановые поставки энергоресурсов.

Вскоре, после обретения независимости в 1992 г., страны Центральной Азии подписали соглашение, в котором подтвердили свое намерение придерживаться прежней политики в распределении воды*. Однако еще в советские времена этот вопрос оказался теснейшим образом связан с решением задачи энергетического обеспечения стран региона, что и создало основу для возникновения межгосударственной конкуренции за использование трансграничных водных ресурсов — либо в целях развития орошаемого земледелия, либо гидроэнергетики. И причина этого заложена в самой системе крайне неравноправного распределения трансграничных водных ресурсов**.

Межгосударственные конфликты по воде между странами обострились с конца 1990-х гг., когда стало очевидно, что

* По Соглашению 1992 г., Узбекистан получает 51,7% стока трансграничных рек, Туркменистан — 38,1%, Казахстан, Таджикистан — 9,2%, а Кыргызстан — только 1%. — See: *Jeremy Allouche. 'The governance of Central Asian waters: national interests versus regional cooperation' in "Central Asia at the Crossroads". United Nations Institute for Disarmament Research. Geneva, 2007. — P. 45.*

** Еще в советские времена был заложен принцип неравномерного использования трансграничных водных ресурсов — расположенные ниже по течению страны забирали 82% стока (Узбекистан — 52%, Туркменистан — 20% и Казахстан — 10%) в противоположность вышерасположенным странам — Кыргызстану и Таджикистану, водозабор которых не превышал 17%, и это при том, что на территории Таджикистана образуется 80% стока Амударьи, а на территории Кыргызстана — 74% стока Сырдарьи.

сложившаяся ранее и закрепленная странами в Соглашении 1992 г. система распределения водных ресурсов, где основная часть воды из верхнего бассейна используется в нижнем, перестает удовлетворять потребности экономического развития стран региона, а компенсационный механизм, лежащий в основе этой системы, не срабатывает в рыночной экономике.

Так уж сложилось, что 80% всех запасов пресной воды в Центральной Азии владеют Кыргызстан и Таджикистан, чьи экономические интересы связаны с использованием гидроэнергетического потенциала рек в отсутствие других внутренних источников энергоснабжения. В противоположность им Казахстан, Туркменистан и Узбекистан заинтересованы, прежде всего, в использовании вод этих рек в ирригационном режиме и поэтому негативно относятся к гидроэнергетическим планам соседних стран, затрагивающим их экономические интересы.

Когда страны нижнего бассейна стали повышать цены на нефть и газ, поставляемые в страны верхнего бассейна в обмен на воду, то Кыргызстан и Таджикистан оказались перед выбором — либо платить по международным ценам на энергоресурсы, а это ложилось бы тяжелым бременем на их слабо развитую экономику, либо развивать свою гидроэнергетику.

Выбор был сделан в пользу последнего [2]. Плотины, построенные еще в советские времена в Кыргызстане и Таджикистане для нужд ирригационного снабжения Узбекистана и Казахстана, стали использоваться в гидроэнергетическом режиме. А это означало сброс воды в зимнее время и ее накопление в летнее с угрозой для поддержания стабильного стока воды на ирригационные поля стран нижнего бассейна, что и спровоцировало рост политической напряженности в регионе.

Ситуация резко обострилась после того, как Кыргызстан и Таджикистан объявили о своих планах реанимации проектов строительства крупных ГЭС — Рогунской и Камбаратинской — на трансграничных реках Амударья и Сырдарья, разработанных еще в советские времена.

Интерес Кыргызстана и Таджикистана к их строительству продиктован не только экономическими соображениями (обеспечение энергетических потребностей страны и экспорт энергоресурсов за границу). Для многих развивающихся стран, и в этом плане вышеперечисленные страны не исключение, строительство крупных ГЭС становится политической задачей по укреплению национального государства и положения правящей элиты, придавая легитимность режиму, испытывающему дефицит авторитета в обществе.

Поэтому, даже несмотря на то что, по мнению ряда экспертов МБРР, Камбаратинская ГЭС-2 в экономическом плане не рентабельна и не решит проблему энергетической независимости Кыргызстана [3], определенные группы местной политической элиты настаивают на реализации проекта, стремясь извлечь из этого экономические дивиденды в условиях коррумпированности системы государственного управления [4]. Что же касается Таджикистана, то, как заявил Президент страны Э. Рахмон, строительство Рогунской ГЭС — это вопрос жизни или смерти для Таджикистана [5] и этот проект будет реализован «любой ценой» [6].

В центре возникшего конфликта оказались три страны — Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. В отличие от последнего, Казахстан, также заинтересованный в обеспечении стабильного стока трансграничных рек, занимает более сдержанную позицию и открыто не идет на конфликт. Иначе действует руководство Узбекистана. Свое нежелание мириться с возможными угрозами он демонстрирует различными методами, пытаясь оказать давление на руководство соседних

стран (энергетическая блокада*, «железнодорожная война», «холодная война»). Мало того, руководство Узбекистана даже не исключает вероятности развертывания прямых военных действий в регионе, спровоцированных соперничеством за воду.

Какими доводами руководствуется Узбекистан, выступая категорически против строительства в Таджикистане Рогунской ГЭС?

- Во-первых, экономическими — сток воды в летнее время сократится на 18%, а в зимнее возрастет на 54%, что приведет к затоплению орошаемых полей и ухудшит водную ситуацию в стране [7]; экономические потери оцениваются в 20 млрд долл. США [8].

- Во-вторых, экологическими — проект реализуется в сейсмоопасной зоне и, главное, на что указывает Узбекистан, окажет негативное влияние на судьбу Арала. Экологические аргументы активно используются Узбекистаном для привлечения внимания международной общественности к этой проблеме и получения ее поддержки в конфликте с Таджикистаном.

За обвинениями Узбекистана скрывается тревога по поводу того, что Кыргызстан и Таджикистан смогут в одностороннем порядке контролировать сток трансграничных рек, ставя расположенные ниже по течению страны в зависимое положение и создавая тем самым угрозу интересам их национальной безопасности. Не исключается и факт использования воды как средства политического давления**. Поэтому Узбекистан настаивает на обязательном согласовании стро-

* С апреля 2012 г. Узбекистан прекратил поставки газа в Таджикистан, что могло привести к остановке работы приграничного алюминиевого завода Курган-Тюбе, который является одним из немногих конкурентоспособных производств, на долю которого приходится 70% промышленного экспорта Таджикистана.

** Пример такого рода имеется. В 2010 г. Кыргызстан отвел сток реки Талас, которая является источником ирригации для Казахстана, в ответ на то, что тот закрыл границу между двумя странами в ситуации роста политической нестабильности в Кыргызстане. Казахстан вынужден был снова открыть границу.

ительства гидроэнергетических сооружений со всеми странами, расположенными в бассейнах Амударьи и Сырдарьи.

Есть еще и другая, скрытая, причина недовольства Узбекистана планами Таджикистана. Дело в том, что сегодня Таджикистан находится в определенной энергетической зависимости от Узбекистана*, однако завтра, создав свою энергетическую индустрию, он сможет более решительно противодействовать региональным интересам Узбекистана. В средствах массовой информации страны создается образ И. Каримова как лидера, который намерен противостоять «Рогунской угрозе» в интересах благосостояния нации. Соответственно, успех или провал политики правительства в отношении таджикского проекта скажется на общественном восприятии И. Каримова как сильного лидера нации [9].

Все это создает сложную и крайне неблагоприятную политическую обстановку для налаживания межгосударственного сотрудничества в сфере разграничения прав и обязательств каждой заинтересованной стороны в использовании трансграничных рек. Ситуация осложняется еще и тем, что международное право пока не способно создать единую правовую базу управления трансграничными водными ресурсами**. К тому же, за исключением Узбекистана, страны Центральной Азии не присоединились к международным договоренностям и ориентируются на разные правовые модели регулирования водных ресурсов***.

* Узбекистан контролирует практически все транспортные и энергетические системы, связывающие Таджикистан.

** Сегодня общемировых правил и единых для всех стран принципов межгосударственного водораздела не существует. В настоящее время международные нормы носят общий (рекомендательный) характер, затрагивая преимущественно экологические проблемы. В меньшей степени они касаются самих проблем управления водными ресурсами рек. В них практически отсутствует механизм разрешения международных споров, довольно слабо проработана законодательная и нормативная база // <http://mts.tj/index>. — 2012.

*** Несколько десятков стран на международной конференции в Дублине (1992 г.) приняли решение: «Вода имеет свою экономическую стоимость при всех ее конкурирующих видах использования и должна являться экономическим товаром». Кыргызстан и Таджикистан предлагают придерживаться этих принципов. Узбекистан, наоборот, отстаивает «басейновый» (интегрированный) принцип управления водными ресурсами.

Неудивительно поэтому обращение Президента Таджикистана к международному сообществу за содействием в решении спорных водных вопросов, инициативу которого открыто поддержали Казахстан и Туркменистан при молчаливом согласии Узбекистана. Неспособные самостоятельно урегулировать водную проблему страны Центральной Азии возлагают надежды на международное посредничество как гаранта безопасности региона.

К решению вопроса активно подключился Мировой банк, который проводит экспертизу экономической осуществимости проекта строительства Рогунской ГЭС и оценки ее воздействия на окружающую среду. Но сроки подготовки заключения затягиваются, а, соответственно, и график работ, не говоря уже о возможности привлечения иностранных инвестиций, которые не хотят идти в проект из-за открытого противодействия Узбекистана. Сохраняется большая доля сомнения, что и президенты Таджикистана и Узбекистана согласятся с доводами и рекомендациями Мирового банка.

Руководство Таджикистана делает ставку на США, привлечь интерес которых оно пытается за счет акцентирования значения проекта для осуществления американской стратегии «Новый Шелковый путь» (имеющей вектор, противоположный евразийской интеграции). И если судить по заявлениям руководства США, то оно вовсе не возражает против участия в разрешении водных конфликтов в регионе.

Что касается Евросоюза, то, с одной стороны, им оказывается донорская помощь странам Центральной Азии в осуществлении водных проектов, которые, как правило, ориентированы на создание интегрального метода управления водными ресурсами и повышение эффективности их использования. Однако, с другой стороны, проводимая ЕС политика слабо согласуется с интересами налаживания сотрудничества между всеми странами региона по водному вопросу. Наобо-

рот, Евросоюз открыто выступает на стороне Узбекистана, что, по мнению Таджикистана, говорит о его необъективной позиции, учитывающей лишь интересы одной стороны, поддержка которой объясняется европейскими планами по осуществлению проекта строительства газопровода «Набукко».

Евросоюз также рекомендовал Таджикистану для удовлетворения своих энергетических потребностей наращивать строительство малых и средних ГЭС. Однако понятно, что при малых мощностях производства электроэнергии Таджикистан не сможет стать поставщиком электричества за границу, а Рогунская ГЭС изначально проектировалась для экспорта электроэнергии.

В феврале 2012 г. Евросоюз высказал свое неодобрение по поводу предоставления Россией кредита в 1,7 млрд долл. США Кыргызстану на строительство Камбаратинской ГЭС, заявив, что для модернизации гидроэнергетического сектора страны имеются другие источники, кроме России [10]. Это заявление Евросоюза можно расценить как попытку предотвратить усиление влияния России в регионе.

До последнего времени Россия оставалась в стороне от решения водных проблем стран Центральной Азии. Однако, в силу исторических и геополитических причин, она не может находиться вне этого проблемного поля данного региона. Безусловно, она заинтересована в урегулировании водных конфликтов, угрожающих и интересам ее национальной безопасности. К тому же необходимость ее участия в решении проблем энергетики и водопользования в Центральной Азии обусловливается повышенной активностью других международных игроков (США, ЕС, Китай, Иран), предлагающих свои посреднические услуги и стремящихся упрочить свои позиции в регионе, оттеснив Россию, которая, по мнению ряда экспертов, «взяв в свои руки контроль над водными ресурсами региона, ставит перед собой задачу играть роль глав-

ного арбитра в центральноазиатских межгосударственных отношениях или, говоря коротко, управлять регионом» [11].

Сегодня интерес России к водным ресурсам стран Центральной Азии связан, прежде всего, с использованием их гидроэнергетического потенциала. Однако эта весьма прибыльная деятельность таит в себе и немалые риски — Россия оказывается в центре обостряющегося соперничества между странами региона за контроль над трансграничными водными ресурсами.

Было бы наивным полагать, что руководство России не осознает политического риска вовлечения в водный конфликт. Главнокомандующий Сухопутными войсками РФ генерал-полковник В. Чиркин, выступая в 2012 г. перед Советом Федерации, заявил, что вопрос распределения воды в Центральной Азии может привести к вооруженным конфликтам в регионе [12]. Напомним, что заявление И. Каримова по этому же поводу было сделано накануне визита российского Президента Владимира Путина в Кыргызстан. К этому моменту было известно, что Россия и Кыргызстан договорились о строительстве и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС*.

Возникает вопрос, насколько поддержка Россией планов Кыргызстана по строительству Камбаратинской ГЭС отвечает цели достижения консенсуса между странами в сфере водопользования и не способствует ли обострению отношений с Узбекистаном? Еще в 2009 г., когда впервые возникла тема предоставления Россией крупного кредита Кыргызста-

* Соглашение правительств России и Кыргызстана предусматривает реализацию проекта строительства и эксплуатации четырех гидроэлектростанций Верхне-Нарынского каскада, Камбаратинской ГЭС-1, а также проекта строительства и эксплуатации ряда высоковольтных линий электропередачи, обеспечивающих экспорт электрической энергии, вырабатываемой Камбаратинской ГЭС-1, в энергосистемы сопредельных стран. Согласно достигнутым договоренностям, российское правительство для финансирования проекта выделит порядка 1,7 млрд долл. США и обеспечит привлечение заемных средств в размере 50% стоимости строительства. Финансирование технико-экономического обоснования «Камбараты-1» осуществляется за счет российской стороны.

ну в обмен на получение 50% доли в проекте, стали говорить о возможности усиления контроля России над киргизской и таджикской гидрогенерацией [13], что вызвало неодобрительную реакцию руководства Узбекистана, но идти на открытое столкновение с Россией оно не стало.

Что касается России, то и она изначально избегала обострения отношений с Узбекистаном. Стоит вспомнить, что Россия в лице частной компании РУСАЛ выступала за пересмотр проекта Рогунской ГЭС в Таджикистане, учитывая возможные последствия для расположенных в нижнем бассейне стран*. А во время визита в Таджикистан в октябре 2012 г. В. Путин объявил о намерении России инвестировать в более мелкие гидроэнергетические проекты, не угрожающие экономическим и экологическим интересам соседних стран.

По главному объекту — Камбаратинской ГЭС — Президентом России во время визита в Кыргызстан в 2012 г. было четко заявлено, что российское участие в этом проекте не направлено против какой-либо страны. Россия заинтересована в таком взаимодействии по вопросу контроля и распределения водных ресурсов, которое учитывало бы интересы всех заинтересованных сторон, а само строительство гидроэнергетических объектов было бы возможно с участием (включая управление в последующем) стран, находящихся ниже по течению, — Узбекистана и Казахстана. И сейчас казахстанские компании рассматриваются в планах не только по проекту строительства Камбараты, но и всего Верхне-Нарынского каскада ГЭС**. Также именно Россия выступила за проведе-

* В 2007 г. правительство Таджикистана аннулировало контракт с российской компанией РУСАЛ, проводившей строительные работы по реализации проекта Рогун, заявив, что Россия лоббирует интересы Узбекистана, предлагая уменьшение размера плотины.

** При посредничестве казахстанской стороны 5 октября 2012 г. в г. Алматы состоялась встреча на уровне вице-премьер-министров Казахстана, Кыргызстана, России и Узбекистана по вопросу участия в проекте строительства Камбаратинской ГЭС-1. От Узбекистана в обсуждении принял участие первый заместитель премьер-министра страны Рустам Азимов. На встрече было принято решение об образовании четырехсторонней рабочей группы по данному вопросу, однако в дальнейшем узбекская сторона отказалась участвовать в этих встречах.

ние оценки проекта международной организацией и против предоставления исключительного права Узбекистану накладывать вето на проект в случае его позитивной оценки.

К тому же, в отличие от Рогунской ГЭС, проект Камбаратинской ГЭС-1 менее экономически и экологически рискован для соседних стран и предполагает не только обеспечение энергетической независимости Кыргызстана, но и улучшение ирригационного снабжения расположенных ниже стран, поскольку позволит Токтогульской ГЭС работать в ирригационном режиме [14]. Одним словом, можно предположить, что осуществление этого проекта будет способствовать активизации процессов евразийской интеграции, в чем Россия крайне заинтересована.

Но сегодняшний конфликт между центральноазиатскими странами имеет еще и другую составляющую — крайне неэффективное использование водных ресурсов как в ирригации*, так и в гидроэнергетике, что способствует возникновению водного дефицита и нарастанию соперничества между странами за воду в условиях роста численности населения**. При этом водные конфликты в регионе могут заметно обостриться, если увеличится спрос на воду в Афганистане в связи с развитием орошаемого земледелия.

По данным Программы развития ООН, из-за неэффективного управления водными ресурсами страны Центральной Азии ежегодно теряют 1,7 млрд долл. США, или 3% ВВП [15]. По расчетам специалистов, переход на современные агротехнологии и рациональное водопользование при модернизации системы управления водным хозяйством позволит

* 93% стока вод Амурарьи уходит на полив орошаемых полей. При этом 37% воды, предназначенной для ирригации, теряется. Расходы воды в Узбекистане на душу населения в два раза превосходят Испанию, которая является главным производителем сельскохозяйственной продукции в Европе. — See: *Central Asian Water. Social, economic, environmental and governance puzzle. Muhammad Mizanur Rahaman Olli Varis (eds.). — Helsinki University of Technology, 2008.*

** С учетом темпов роста населения в 1,2% ежегодно требуется дополнительно 700 млн м³ воды.

экономить в год до половины стока трансграничных рек в регионе, что улучшит водоснабжение стран и позволит снять напряженность в их взаимоотношениях в сфере водопользования. Однако достижение этой цели сдерживается отсутствием необходимых инвестиций (как внутренних, так и внешних), современных водо- и энергосберегающих технологий и плохой организацией системы управления водными ресурсами.

Казахстан и Узбекистан видят путь к обеспечению себя водой также за счет использования водного потенциала России и реанимации проекта переброски части воды из Западной Сибири. Однако этот проект таит в себе немалые потенциальные экологические и экономические риски. Непредвиденные и малоизученные экологические последствия забора вод сибирских рек дополняются огромными экономическими затратами: величина требуемых капитальных расходов на строительство канала оценивается примерно в 130 млрд долл. США.

От того, какой путь решения водной проблемы центральноазиатские страны выберут для себя: экстенсивный — в рамках нынешней модели нерачительного использования водных ресурсов или интенсивный — на основе применения современных ресурсосберегающих технологий и совершенствования методов управления водным хозяйством, зависит в конечном итоге их перспектива разрешения водных конфликтов. И в этом выборе пути решения водного вопроса Россия призвана сыграть не последнюю роль, которая способна оказать содействие странам Центральной Азии в преодолении их водного кризиса через предоставление им финансовой и технической помощи в переходе к ресурсосбережению.

На политическом уровне участие России в урегулировании межгосударственных разногласий по характеру использования трансграничных вод должно быть направлено

на заключение многосторонних договоренностей о взаимоприемлемом режиме водопользования, что согласуется с ее положением инвестора и делового партнера стран Центральной Азии. По данным ПРООН, экономические выгоды от сотрудничества стран региона в сфере водопользования оцениваются в 5% регионального ВВП [16]. Перспективы заключения соглашения по водному вопросу, учитывая его политизированность, во многом будут зависеть от выполнения Россией своей посреднической дипломатической миссии, но все же в основном — от переговоров между главами государств ЦАР.

Водная проблема в регионе выходит за рамки чисто ресурсной проблемы и носит в значительной мере политизированный характер, определяемый сложностью взаимоотношений между странами Центральной Азии и в первую очередь между их политическими элитами, их нежеланием идти на взаимные уступки, национальным эгоизмом, который, в свою очередь, подогревается политическим соперничеством стран в условиях неустойчивости их политических и экономических систем.

Проблема совместного использования трансграничных водных ресурсов сегодня становится одним из основных конфликтных узлов, создающих реальную угрозу региональной безопасности государств Центральной Азии. Вода остается важнейшим геоэкономическим и стратегическим ресурсом развития, обладание которым позволяет не только модернизировать собственную экономику и социальную сферу, но и успешно контролировать ситуацию в Центральной Азии в целом [17].

И все же, несмотря на крайне сложную политическую ситуацию, сложившуюся вокруг проблемы совместного использования трансграничных рек, и нехватку политической воли к ее улучшению, определенный оптимизм в отношении

возможного мирного разрешения водных конфликтов в регионе сохраняется. Дело в том, как показывает исторический опыт, водные конфликты рано или поздно преодолеваются. И путь к этому лежит через сотрудничество и экономическую интеграцию.

Литература

1. Environmental Security in Central Asia. One Bucket at a Time // Eucam Watch. Newsletter. Issue 13. — October, 2012. Ministry of Foreign Affairs. Finland. P. 1.
2. John, C.K. Daly "Central Asia's Most Precious Resource — Water, Not Oil" // <http://www.safehaven.com>.
3. <http://www.japanfocus.org>.
4. Ibid.
5. Shairbek Juraev. Central Asia's Cold War? Water and Politics in Uzbek-Tajik Relations // Eurasia Policy Memo. American University of Central Asia (Bishkek). — September, 2012. — No. 217.
6. An 'Undeclared Cold War' in Central Asia? // The Journal of Turkish Weekly. — 4 June Monday, 2012 // <http://www.turkishweekly.net>.
7. Central Asia's Looming Conflict Over Water: The Upriver Countries // Water Politics (SM) // <http://www.waterpolitics.com/2012/11/12>.
8. Shairbek Juraev. Op. cit.
9. An 'Undeclared Cold War' in Central Asia?..
10. Erica Marat. Controversy Intensifying Over the Construction of Dams in Central Asia // Eurasia Daily Monitor. — May 7, 2009 // <http://www.jamestown.org>.
11. Водно-энергетическая проблематика. Статья А. Касымова: Россия хочет стать главным водным арбитром в Центральной Азии // Сайт Посольства Республики Узбекистан в Украине // <http://uzbekistan.org>. — 2009, 26 марта.
12. Eurasia Revie. — August 7, 2012 // <http://www.jamestown.org>.
13. Независимая газета. — М., 2012, ноябрь.
14. Christine Bichsel. Liquid Challenges: Contested Water in Central Asia // Sustainable Development Law & Policy. Volume 12 Issue 1. Fall 2011.

15. UNDP Regional Bureau for Europe and the Commonwealth of Independent States (2005) "Bringing Down Barriers: Regional Cooperation for Human Development and Human Security", Central Asia Human Development Report, Bratislava, Slovakia. — Pp. 84—111.

16. Water-energy problems in Central Asia and the role of Tajikistan in their solution // <http://khovar.tj>.

17. И. Эгамбердиев. Кто разыгрывает «водную карту» Центральной Азии в геополитическом пасьянсе? — March 25, 2007 // <http://www.analitika.org>.

Приграничное сотрудничество России и Казахстана: положение и перспективы

Притчин С.А.

Россия и Казахстан имеют исключительно благоприятные базовые условия для развития приграничного сотрудничества. Способствует этому, во-первых, самая протяженная в мире непрерывная граница (7,5 тыс. км), во-вторых, высокая степень промышленной кооперации, заложенная еще в советский период и, в-третьих, на границе между двумя странами расположены 12 российских и 7 казахстанских промышленно-развитых областей, к ним также примыкают ключевые с точки зрения экономики субъекты РФ и казахстанские области. В приграничных областях России и Казахстана проживают 32 миллиона человек. ВРП этих казахстанских областей составляет 40% от республиканского ВВП, на российские приграничные регионы приходится 20% ВВП [1].

В целом Россия и Казахстан являются важными торговыми партнерами. Согласно официальной статистике Казахстана, Россия стала крупнейшим торговым контрагентом в 2012 г. Объем товарооборота составил 23 млрд 61 млн долл. США, экспорт из Казахстана в Россию — 6,121 млрд долл., импорт — 16, 940 млрд долл. Всего на Россию пришлось 17% внешней торговли Казахстана.

По результатам первого полугодия 2013 г. Россия сохранила за собой первое место во внешней торговле с республикой, наторговав на 11,8 млрд долл. США, увеличив товарооборот на 10,2% к уровню прошлого года, а ее доля составила 18,5%.

В связи с тем что с 1 января 2010 г. в рамках Таможенного союза товары, направляемые из приграничных российских

и казахстанских областей и регионов в направлении друг друга, перестали регистрироваться таможенными службами соседей, в настоящий момент сложно оценить объективную долю России во внешней торговле казахстанских приграничных областей и наоборот. Но если опереться на статистику до 2010 г. и проанализировать внешнеэкономическую деятельность российских областей, расположенных на границе с Казахстаном и примыкающих к ним регионов, то можно констатировать — республика является одним из главных торговых партнеров для многих субъектов Российской Федерации. Так, за 2008 г. Казахстан стал вторым по величине контрагентом Свердловской области, причем на долю республики пришлось около 11% внешнеторгового оборота, что в денежном выражении составило более 1,5 млрд долл. США. При этом в структуре экспорта из области в РК машины и оборудование составляют почти треть [2]. В 2009 г. республика сохранила свое место в числе ведущих партнеров Свердловской области, несмотря на кризис, — 897 млн долл., или 9%, во внешней торговле области. Для Челябинской области Казахстан является самым активным деловым партнером. 23% внешнеторгового оборота области, или почти 1,5 млрд долл. США, приходится на РК. Казахстан из года в год занимает лидирующие позиции по объему взаимного товарооборота с Омской областью. По итогам 2008 г., товарооборот с республикой составил около 500 млн долл. США, или 39% всей внешней торговли области. Для Оренбургской области главным торговым партнером в 2008 г. также стал Казахстан с показателем почти 23% от всей ВЭД. РК занимает 13,4% во внешней торговле Ульяновской области. Взаимная торговля между Республикой Татарстан и Республикой Казахстан составила в 2008 г. 534 млн долл. США [3]. Казахстан является крупным торговым контрагентом и для целого ряда других российских регионов, таких

как Самарская, Саратовская, Волгоградская и Астраханская области.

В целом торговый оборот на протяжении последних нескольких лет остается относительно стабильным и доля Казахстана во внешнеэкономической деятельности для российских регионов колеблется в пределах 14—15% (2011 г. — 12%), в то время как соответствующий показатель с казахстанской стороны вырос с примерно 40% в 2007 г. до почти 47% в 2010-м (2011 г. — 41%) [4].

По оценкам экспертов Евразийского банка развития, авторов исследования «Приграничное сотрудничество России и Казахстана в рамках Таможенного союза», совокупный внешнеторговый оборот регионов России, граничащих с Казахстаном, сопоставим с внешней торговлей РК в целом. Это обусловлено тем, что следует учитывать как разницу масштаба экономик двух стран, так и региональную составляющую. Для казахстанских регионов, граничащих с Россией, характерна более высокая степень ориентации на внешнюю торговлю по сравнению с другими казахстанскими регионами и российским приграничьем. С обеих сторон российско-казахстанской границы присутствует доминирующий по объемам экспорта регион (в России — Тюменская область, на которую приходится больше половины совокупного экспорта приграничных регионов, в Казахстане — Атырауская область, на которую приходится почти 2/3 совокупного экспорта приграничных регионов). Еще одна особенность заключается в том, что внешняя торговля приграничных регионов России и Казахстана (особенно экспорт) связана, главным образом, с третьими странами, а не с сопредельными страной и регионами, если не считать транзитную торговлю нефтью и газом, а также поставки российской нефти для переработки на казахстанских НПЗ [5]. Определенным сдерживающим фактором является разный уровень диверсификации регио-

нов по разную сторону границы. ВРП приграничья России, по оценкам аналитиков ЕАБР, более диверсифицирован, чем ВРП приграничья Казахстана, в последнем доля обрабатывающей промышленности и услуг намного меньше.

Отдельной сферой двустороннего сотрудничества и ее приграничной составляющей являются взаимные инвестиции, так как они, с одной стороны, — показатели взаимного доверия и схожести среды для ведения бизнеса, а с другой — создают условия для более глубокой кооперации, разделения труда между соседями. По оценке Президента РК Нурсултана Назарбаева, накопленные инвестиции Казахстана в Россию за время независимости составляют порядка 8 млрд долл. США. Федеральная служба государственной статистики приводит следующие данные: за 2005 г. казахские компании вложили в российскую экономику порядка 732,8 млн долл. США. В 2011 г. валовой приток прямых инвестиций из Российской Федерации в Республику Казахстан составил 1 059,9 млн долл. США и увеличился по сравнению с 2010 г. на 27,4%. Причем данный уровень инвестиций носит ориентировочный характер, так как значительная часть взаимных инвестиций идет через офшорные компании. В то же время вложения Казахстана в российскую экономику устойчиво превышают российские инвестиции в казахстанскую экономику. В структуре казахстанских инвестиций в российскую экономику, по данным Росстата, доминируют товарные кредиты, направленные в первую очередь на осуществление экспорта казахстанских товаров через территорию РФ. Интересной особенностью взаимных финансовых вложений является то, что вложения в основной капитал организаций с участием иностранного капитала в приграничье России были значительно меньше, чем в других регионах России, тогда как в приграничье Казахстана инвестиции этих организаций составляли около 50% от всех их инвестиций в экономику страны.

По данным Торгового представительства Российской Федерации в Республике Казахстан, Россия осуществляет в Казахстане и ряд крупных инвестиционных проектов, на рынке Казахстана работают более 20 крупных российских компаний. Показательно, что в Совет иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан, наряду с руководителями международных финансовых организаций и иностранных компаний, входят представители ОАО «Лукойл», ОК «Рус-Ал», ОАО «Сбербанк».

Вопрос взаимных инвестиций напрямую связан с количеством совместных предприятий. По оценкам Торгового представительства Российской Федерации в Республике Казахстан, в Казахстане зарегистрированы более пяти тысяч совместных российско-казахстанских предприятий в различных отраслях экономики. С началом действия Таможенного союза число таких компаний становится больше. Так, российские компании, ориентированные на охват рынков центральных регионов России и Сибири, переносят свою производственную и хозяйственную деятельность в Казахстан [6].

По оценкам ЕАБР, доля компаний с казахстанским участием, работающих в приграничных российских областях, растет: если в 2000 г. таких предприятий было 30,8%, то в 2010 г. — 60,4%.

В целом российско-казахстанское экономическое сотрудничество и приграничная кооперация имеют серьезные перспективы.

В условиях стремления и России, и Казахстана к диверсификации экономики, ухода от экспорта сырья, крайне важным представляется укрепление координации в развитии высокотехнологического сектора. В целом взаимная торговля соседей соответствует нынешнему развитию экономик двух стран, но, к сожалению, пока наблюдается дефицит успешных совместных проектов в высокотехно-

логическом секторе, при том что обе страны предпринимают шаги по диверсификации экономики. Поэтому важно активизировать совместные усилия по развитию высокотехнологичных экспортно-ориентированных производств, созданию на этой основе СП, ФПГ и так называемых технологических парков. Необходима более тесная координация российской и казахстанской программ «инновационно-прорывного» характера [7].

Литература

1. Таможенный союз: приграничное сотрудничество РФ и РК. Доклад ЕАБР // <http://www.eabr.org>.
2. Внешняя торговля Свердловской области в январе — декабре 2008 г. // Сайт Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области // <http://mvs.midural.ru> (дата обращения: 05.03.2009).
3. Внешняя торговля Республики Татарстан в 2008 г. // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан // <http://www.tatstat.ru> (дата обращения: 05.03.2009).
4. Таможенный союз: приграничное сотрудничество РФ и РК...
5. Там же.
6. <http://www.rustrade.kz>.
7. Портал внешнеэкономической деятельности РФ // <http://www.ved.gov.ru>.

СЕССИЯ II. СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И РОССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сравнительный анализ угроз для Казахстана и стран Центральной Азии с учетом меняющейся ситуации в Афганистане

Султанов Б.К.

На фоне ухудшения глобальной экономической ситуации все большее беспокойство вызывает постепенное превращение Центральной Азии в зону распространения нетрадиционных угроз, в первую очередь международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика, организованной преступности, нелегальной миграции.

В последнее время усилились, в том числе и среди российских ученых и экспертов, алармистские оценки последствий предстоящего в 2014 г. вывода войск НАТО из Афганистана. Так, по мнению А. Арбатова, после ухода контингента НАТО из Афганистана Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, а затем и Казахстан окажутся под ударами исламистов и России придется вступить в новую продолжительную войну против воинственного мусульманского фундаментализма. Тем временем Центральная и Южная Азия превратятся якобы «в черную дыру насилия и терроризма» [1].

При всей актуальности негативного влияния афганского фактора на Центральную Азию, на наш взгляд, наибольшую опасность для безопасности региона, тем не менее, представляют не внешние вызовы, а в первую очередь незавершенность процесса политического и экономического рефор-

мирования и сохраняющаяся сложная социально-экономическая ситуация в странах Центральной Азии.

Так, согласно данным таджикских экспертов, более 80% граждан Таджикистана находятся на пороге бедности, практически 70—75% заработной платы тратится на закупку продуктов питания. Таджикистан импортирует 60—70% пшеницы, 100% ГСМ и минеральных удобрений. Проблемы, связанные с производством и обеспечением продуктами питания населения РТ, являются ключевыми. Недоедание, неполноценное питание, считают таджикские эксперты, отрицательно влияют на жизнь и здоровье людей — в разы увеличилось число больных среди трудоспособного населения, наблюдается сокращение продолжительности жизни.

Поэтому неудивительно, что, согласно данным опроса общественного мнения, проблема религиозного экстремизма мало волнует жителей Таджикистана. Более 80,5% респондентов считают, что угроза терроризма в Таджикистане несущественна. Только 7,4% респондентов высказывают мнение, что религиозный экстремизм является нарастающей проблемой в стране. Еще 17% опрошенных в какой-то степени с этим согласны. В то же время 68,6% респондентов не согласны с тем, что в Таджикистане растет уровень экстремизма, а 6,6% вообще не знают об этом [2].

По данным социологического опроса населения нашей республики, проведенного по заказу КИСИ при Президенте РК в мае текущего года, на вопрос, какие факторы в наибольшей степени угрожают национальной безопасности Казахстана, 71,5% казахстанских граждан ответили, что наибольшую угрозу представляет коррупция. Следующими угрозами национальной безопасности были отмечены: рост цен и тарифов, удорожание коммунальных услуг; недостаточное материальное положение семей, безработица, низкий уровень жизни, экология. И лишь затем были названы неза-

конный оборот наркотиков, активизация террористической деятельности, рост исламизации. Эти данные социологического опроса являются довольно красноречивыми даже с учетом того, что Казахстан в целом благополучное государство — золотовалютные резервы страны в октябре 2013 г. достигли 90 млрд долл. США, а ВВП на душу населения в 2012 г. превысил 12 тыс. долл. США.

Поэтому для стран Центральной Азии в первую очередь необходимо создание конкурентоспособных национальных экономик, осуществление активной социальной политики, проведение своевременных политических реформ, укрепление общественного согласия, сохранение межэтнического и межконфессионального мира.

Лучшим способом стабилизировать ситуацию в Центральной Азии является региональная кооперация с последующим переходом на интеграционный формат. Именно таким образом страны региона смогут снизить существующий конфликтный потенциал, решить насущные социально-экономические проблемы, развязать узел погранично-территориальных споров, водно-энергетических проблем.

По мнению Президента Казахстана Н.А. Назарбаева, страны Центральной Азии, развиваясь как единое пространство, смогут создать «пояс экономического благополучия», который будет надежной преградой для международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика и нелегальной миграции [3].

Республика Казахстан на протяжении ряда лет инициирует создание региональных интеграционных объединений. К сожалению, деятельность сформированных региональных структур — Центральноазиатского союза (1994 г.), Центральноазиатского экономического форума (2001 г.) и Организации центральноазиатского сотрудничества (2002 г.) — свелась к принятию громогласных заявлений, которые так и остались

на бумаге. Уже несколько лет на рассмотрении лидеров государств региона находится очередная инициатива Казахстана о создании Союза центральноазиатских государств (СЦАГ).

Несмотря на взаимные заверения лидеров государств Центральной Азии об общности исторических, культурных, языковых, этноконфессиональных факторов, политические элиты не готовы к внутрирегиональному сотрудничеству.

Поэтому неразрешимой проблемой для государств региона является неурегулированность территориально-пограничных вопросов между Узбекистаном и Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

Так, между Узбекистаном и Кыргызстаном не достигнута договоренность по 58 спорным участкам. Между Кыргызстаном и Таджикистаном существует 71 спорный участок земли.

Вследствие этого на бытовой почве постоянно возникают пограничные конфликты. В соответствии с данными киргизских властей, только в 2010 г. было зафиксировано более 20 столкновений киргизских граждан с узбекскими пограничниками и примерно столько же — с таджикскими [4].

Приграничные столкновения в Центральной Азии в любой момент могут перерасти в межгосударственные конфликты с непредсказуемыми последствиями. Более того, в этих столкновениях охотно примут участие боевики международных террористических формирований, нелегально находящиеся в регионе.

Тормозом на пути кооперационного сотрудничества стран Центральной Азии является недостаточный уровень взаимодействия государств региона в реальном секторе экономики. Это обусловлено инвестиционными возможностями стран, а также отсутствием стремления к взаимовыгодному решению проблем в энергетике, водопользовании, грузоперевоз-

ках, развитии транспортной инфраструктуры, сельскохозяйственном производстве.

Не теряет своей актуальности и проблема совместной борьбы с нелегальной миграцией, основные причины которой — политическая и экономическая нестабильность в одних странах, демографический кризис — в других.

В региональном миграционном аспекте Россия и Казахстан являются сейчас «принимающими» государствами, а Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан — «отправляющими». Доля трудовых мигрантов, по оценкам независимых экспертов, в Узбекистане составляет 10% населения, в Кыргызстане и Таджикистане — более 25%. В 2010 г. от киргизских трудовых мигрантов из России и Казахстана поступил на родину 1 млрд 654 млн долл. США [5].

Трудовую миграцию, являющуюся международным процессом, невозможно решить мерами, действующими в одной отдельно взятой стране. Тем не менее наладить региональное сотрудничество по миграционным вопросам не удастся.

При оценке складывающейся ситуации в Афганистане нами исключается возможность агрессии движения «Талибан» в Центральную Азию. Но вполне вероятно активизация деятельности этнических террористических организаций на севере Афганистана, имеющих тесные контакты с террористическим подпольем в государствах Центральной Азии (особенно в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане). В этой связи не исключаются попытки прорыва этнических бандформирований из Афганистана на территорию Таджикистана и Узбекистана. Но, как нам представляется, вооруженные силы и правоохранительные органы этих республик располагают необходимыми ресурсами, чтобы отразить вылазки боевиков из-за кордона. Конечно, таджикские и узбекские силовики нуждаются в необходимой военно-технической поддержке со стороны соседних госу-

дарств, а также региональных и глобальных международных организаций.

На фоне повышения уровня религиозности населения в Центральной Азии обращает на себя внимание рост радикального исламизма и религиозно мотивированного экстремизма, увеличение количества последователей исламских фундаменталистских организаций, которые ранее не были распространены в Центральноазиатском регионе.

В этой связи тревожным фактом является участие выходцев из Центральной Азии, в том числе из Казахстана, в боевых действиях на территории Сирии.

Так, согласно данным МВД Таджикистана, среди плененных сирийскими правительственными войсками боевиков в период с 15 по 25 июня 2013 г. были установлены 12 таджикских граждан. Из них семеро являются бывшими полевыми командирами и бойцами объединенной таджикской оппозиции, четверо находились в международном розыске за тяжкие уголовные преступления. С начала боевых действий в Сирии погибли трое таджикских граждан, принимавших участие в конфликте на стороне повстанцев. Все трое являлись студентами различных религиозных учебных заведений [6].

Наблюдается тенденция радикализации ислама и в Казахстане, особенно в южных районах республики, где нарастает число нелегальных трудовых мигрантов из Узбекистана, а также на западе страны, где имеется значительная дагестанская диаспора. Эта тенденция происходит на фоне увеличения представителей казахстанской молодежи, обучающихся в религиозных учреждениях стран Ближнего и Среднего Востока. В настоящее время 392 гражданина Казахстана получают религиозное образование в арабских странах, из них в Египте — свыше 200, в Саудовской Аравии — 59, в Пакистане — свыше 60 человек.

К сожалению, десятки казахстанцев находятся в составе международных террористических организаций за рубежом. В Казахстане наблюдается сращивание последователей радикальных религиозных течений с представителями криминальной среды [7]. В целях системного противодействия проявлениям терроризма и религиозного экстремизма в Казахстане 24 июня 2013 г. был создан Антитеррористический центр.

Хотя политический ислам в Центральной Азии пока еще на стадии становления, однако надо иметь в виду, что при финансовой и организационной поддержке из-за рубежа религиозными экстремистами расширяется ресурсная база, формулируются политические требования и постепенно готовится социальная почва. Политический ислам начинает позиционировать себя в качестве альтернативы светскому государственному и общественному вектору развития стран региона.

В заключение хотелось бы отметить, что при оценке ситуации в Центральной Азии надо быть не алармистами, а реалистами.

Казахстан и другие страны Центральной Азии являются своего рода форпостом против угроз и вызовов, надвигающихся из Афганистана в западном направлении, конечный пункт которых — Европа. Поэтому актуальным является углубление сотрудничества в социально-экономической области, а также в сфере безопасности, во-первых, между странами региона, во-вторых, с соседними державами — Россией и Китаем и, в-третьих, с ведущими международными и региональными организациями — ООН, ЕС, ОБСЕ, НАТО, СВМДА, ШОС и ОДКБ.

Литература

1. Арбатов А. Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. — 2013. — №1. — С. 31.
2. Олимов М. Угрозы терроризма в Таджикистане. — В кн.: Актуальные проблемы безопасности и сотрудничества в Каспийско-Центральноазиатском регионе: материалы XI Ежегодной Алматинской конференции (Алматы, 20 июня 2013 г.). / Отв. ред. Б.К. Султанов. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. — С. 179.
3. Назарбаев Н.А. Выступление на IV Евразийском медиафоруме. (Алматы, 19 апреля 2007 г.) // <http://www.akorda.kz>.
4. Хамидов А. Закрытая кыргызско-узбекская граница способствует обострению напряженности // <http://www.centrasia.ru/news>.
5. <http://www.parusk.info>(Бишкек). — 2011, 19 апреля.
6. Саттор Мирзо. Исламизация Центральной Азии как элемент глобальных политических процессов // ЦентрАзия. — 2013, 9 сентября // <http://www.centrasia.ru/news>.
7. Джанбурчин К.К. Безопасность по всем направлениям // Казахстанская правда. — 2013, 29 июня.

Безопасность Центральной Азии в контексте новых международных вызовов

Малышева Д.Б.

В наши дни многое из происходящего в мире уже не укладывается в привычные рамки и вокруг нас все отчетливее проступают черты формирующегося полицентричного миропорядка. Рассмотрим наиболее примечательные из его признаков.

Это, во-первых, — экономический рывок Китая и быстрая трансформация его к началу второго десятилетия XXI в. в мощную военную и экономическую державу. Хотя, согласно недавним оценкам, китайская модель экономического развития претерпевает определенные сложности (наблюдаемые также и в БРИК) [1], эта страна, благодаря своему экономическому росту, активно-наступательной торговой экспансии, гигантскому демографическому потенциалу, останется на ближайшую перспективу одним из крупнейших внешних игроков и в мире, и в Центральной Азии.

В этом регионе Китай заинтересован в первую очередь в рынке сбыта своих товаров, в его нефтяных и газовых ресурсах, а потому и дальше будет инвестировать в разработку и транспортировку углеводородов из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, использовать геостратегическое расположение всех центральноазиатских государств для прокладки по их территории новых торговых транзитных коридоров и коммуникаций в Россию и Европу. Планы КНР стать главным мотором торгово-экономических перемен в Центральной Азии нашли воплощение в проекте «Экономический коридор Шелкового пути», о котором впервые было заявлено Председателем КНР Си Цзиньпином во время его

выступления 7 сентября 2013 г. в казахстанском «Назарбаев Университете».

Одновременно укрепляются связи между Китаем и Россией. Этому во многом способствуют геополитические обстоятельства. Они связаны с новой внешнеполитической стратегией США, ориентированной преимущественно на Азиатско-Тихоокеанский регион и ставящей здесь целью сдерживание Китая, а также и со снижением спроса на российские энергоносители в Европе, что побуждает Россию внимательнее присматриваться к азиатским энергетическим рынкам.

Вторым важным признаком формирующегося полицентричного мира становится фактор Евросоюза. Он, в условиях глобализации и связанного с этим процессом ослабления роли государства как главного субъекта мировой политики (его десуверенизации), трансформировался в геополитическое пространство Большой Европы. И хотя ЕС находится сейчас в стадии тяжелых испытаний, связанных с кризисом еврозоны и с тем, что интеграция внутри ЕС реализуется отнюдь не однозначно, это европейское объединение может оказаться, как предсказывал Сэмюэль Хантингтон, «единственным, но наиважнейшим ходом» во всеобщем противодействии американской гегемонии, что в итоге ведет к «подлинно многополярному миру XXI в.».

Третий признак — это возвращение в мировую экономику и международную политику России, которая намерена и дальше продвигать идею многополярного мира, новой его организации и приспособленных к реалиям XXI в. новых правил межгосударственного взаимодействия.

Возросшая роль России в решении важнейших международных проблем наглядно проявилась во время сирийского кризиса, где Россия не только выступила с конструктивной идеей посредничества и понуждения сторон к национальному диалогу, но и убедила сирийские власти передать свое хими-

ческое оружие под международный контроль. Это фактически отодвинуло угрозу повторения в Сирии ливийского сценария, а в более широком плане предотвратило, благодаря усилиям российской дипломатии, крупный международный конфликт.

В-четвертых, наконец, речь может идти о появлении в Латинской Америке, Африке, Юго-Восточной Азии, Персидском заливе — то есть в бывшем «Третьем мире» — новых «растущих держав», способных со временем составить в экономическом плане конкуренцию Китаю. Уже сегодня из среды этих растущих государств выдвигаются доноры, оказывающие помощь проблемным странам, испытывающим серьезные экономические затруднения и отстающим в развитии. В числе таких доноров — и Казахстан, который принял за последние годы ряд важных шагов, позволивших смягчить напряженность и в Центральноазиатском регионе, и в мире. Так, Казахстан вносит свой посильный вклад в подготовку сил безопасности Афганистана, в то время как многие афганцы получают образование в казахстанских вузах. Казахстан провел у себя Министерскую конференцию стран — участниц Стамбульского процесса и очередной раунд переговоров по иранской ядерной программе с шестью основными мировыми державами (группы 5+1).

На фоне всех этих перемен в мире в Центральной Азии сохраняются многие вызовы, угрозы и риски безопасности.

Большая их часть по-прежнему исходит от внутренних социально-экономических и политических проблем. Одни имеют внутригосударственное измерение, будучи связанными со следующими факторами:

- межэтническая и межклановая напряженность;
- противостояние региональных элит и кланов;
- низкое качество жизни, низкий уровень доходов основной массы населения и его обнищание;
- коррупция;

- низкая эффективность государственных структур;
- углубляющийся разрыв в доходах населения, растущие социальные диспропорции;
- высокий уровень безработицы.

Имеет вызовы безопасности в Центральной Азии и внутрирегиональное измерение. Это — территориально-пограничные споры, водно-энергетическое размежевание, недостаточная эффективность региональных структур безопасности (ОДКБ, ШОС) и др.

Но немалую угрозу представляют и внешние геополитические вызовы и риски.

Они связаны, во-первых, с продолжающимся мировым финансовым и экономическим кризисом, усугубленным ситуацией, на которую указал российский Президент Владимир Путин на последнем саммите G-20, — «негативные последствия для других экономик, прежде всего развивающихся, из-за постепенного сворачивания в США политики монетарного стимулирования» [2].

Второй основной внешний вызов безопасности Центральной Азии обусловлен ближневосточной ситуацией — сирийским вопросом, политической и межрелигиозной междоусобицей в Ираке, а также создающим тревожную обстановку неопределенности вопросом о том, произойдет ли конфликт между Израилем и Ираном. Все это вместе взятое чревато ростом или же падением цен на энергоносители, что потенциально опасно для весьма чувствительных к мировым катаклизмам экономик России, Казахстана и других центрально-азиатских государств.

На них имеют хоть и опосредованное, но серьезное влияние другие риски и угрозы, связанные с ближневосточными делами. Это:

- интернационализация ближневосточных конфликтов, порождаемый ими общемировой хаос;

- расползание по миру разграбленных во время конфликтов запасов оружия, включая сюда и ОМУ (например, разграбление складов химического оружия в Сирии и Ливии) с целью использования его в подрывных и противоправных целях;
- распространение с Ближнего Востока радикальной исламистской идеологии.

Словом, нарастающая год от года дестабилизация Ближнего Востока и Северной Африки, продолжающееся расползание зоны нестабильности из этого региона по всем направлениям уже в скором времени могут оказать негативное влияние на Россию и сопредельные с ней государства Центральной Азии.

Третий вызов безопасности связан с «фактором 2014 г.» — намеченным на конец этого года выводом войск США и их союзников из Афганистана.

В настоящее время США еще не определились с окончательным вариантом сохранения в Афганистане после 2014 г. своего воинского контингента. Основным сценарий предполагает сокращение его численности с 63 до 10 тысяч человек. Есть и другой сценарий, который привлекает к себе внимание с лета этого года в контексте разногласий президентов США и Афганистана Барака Обамы и Хамида Карзая. Этот сценарий предусматривает возможность ускоренного вывода войск. Кроме того, американцы гипотетически допускают совсем уж радикальный — «нулевой» вариант, согласно которому в Афганистане не останется ни одного американского солдата. Это произойдет, если администрации США не удастся договориться с Карзаем или же его преемником после намеченных на 5 апреля 2014 г. выборов президента Афганистана. Наибольшие шансы занять главное кресло в президентском дворце в Кабуле прочат бывшему министру иностранных дел Абдулле Абдулле, который на прошлых выборах проиграл Карзаю.

Тем не менее становится все более очевидно, что по мере завершения афганской операции Центральная Азия все больше будет отходить на периферийные позиции в политических раскладах США.

Что касается миссии НАТО в Афганистане, то и ее мандат заканчивается 31 декабря 2014 г. Но идет планирование другой миссии под названием *Resolute Support*, которую предполагают запустить с 2015 г., после полного вывода из Афганистана Международных сил содействия безопасности. Пока окончательная численность новой миссии не определена, но она, вероятнее всего, будет иметь существенно меньший по сравнению со своей предшественницей масштаб.

Однако и талибы не дремлют, надеясь быстро восстановить старые порядки, как только западные войска покинут Афганистан. Скорее всего, им удастся относительно беспроблемно занять южные территории Афганистана, населенные преимущественно пуштунами. Но вот на севере страны у них так просто едва ли сложится, поскольку здесь им противостоят узбеки и таджики, что делает вероятными столкновения между Севером и Югом Афганистана. Отличие нынешнего момента от ситуации первого пришествия исламистского объединения «Талибан» состоит в том, что в наши дни силы международных террористических группировок и банд выглядят не в пример внушительнее.

И «помогает» этому Ближний Восток, где после «арабской весны» развернулись целые армии боевиков-исламистов, которые прошли боевое крещение в Ливии и продолжили затем консолидацию своих рядов в условиях войны в Сирии. В перспективе, в случае их выдавливания из этой ближневосточной страны, они могут вернуться в Афганистан, где после 2014 г. условия для решения задачи создания государства «чистого ислама» станут, возможно, намного благоприятнее, нежели в наши дни.

Если для стран Ближнего Востока (Сирии, Ливии, Алжира) и для Мали, где сильны позиции группировки «Аль-Каида», возвращение талибов к власти в Афганистане станет благом, поскольку это оттянет какое-то число джихадистов в Афганистан, то вот для ряда стран Центральной Азии — Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана — проблемы вырастут на порядок: обстановка в Афганистане дестабилизируется и эти страны немедленно приобретут статус прифронтовых со всеми вытекающими из этого последствиями. Но и географически отдаленные от Афганистана Казахстан и Кыргызстан не будут застрахованы от угрозы роста экстремистских настроений.

Как справедливо полагает известный эксперт по Центральной Азии Ален Делетро, для стран региона угрозу представляют не столько талибы, которые, по его мнению, «до сих пор не демонстрировали никаких региональных амбиций», сколько молодые люди из Центральной Азии, прошедшие «и идеологическое, и практическое военное обучение в соседнем Пакистане. Они представляют более существенную угрозу, чем та, которая исходит из внутривосточной ситуации в Афганистане» [3]. И именно поэтому России и центральноазиатским государствам важно обезопасить себя от этих угроз, которые включают в себя и распространение радикальных религиозных течений, и террористическую активность, и рост наркотрафика.

Подведем некоторые итоги.

Казахстан, Китай и Россия все чаще выступают в качестве локомотивов интеграционных процессов в Центральной Азии и именно на них ложится основная ответственность за поддержание стабильности в этом регионе.

Очевидно, что здесь необходим незамедлительный и углубленный диалог, целью которого должно стать обсуждение путей противодействия деструктивным глобальным и регио-

нальным тенденциям, активизация действующих структур безопасности, с тем чтобы они становились не виртуальными, а реально работающими механизмами.

Стратегию ответа на внешние вызовы и риски центральноазиатским государствам трудно будет выработать без внешней помощи. Такую помощь может предоставить Россия, которая осознает степень своей ответственности и пытается играть в Центральной Азии на опережение, используя различные инструменты — структуры Организации договора о коллективной безопасности либо экономические интеграционные проекты (Евразийский союз, Таможенный союз).

Необходимость интеграции центральноазиатских государств (вместе с Россией) в евразийские структуры диктуется объективными международными реалиями: нарастающим хаосом в международных делах, связанным в значительной мере с планомерно идущим разрушением послевоенного миропорядка «коллективным Западом»; с активно продвигаемым им курсом на размывание государственного суверенитета; с участвующими прецедентами смены режимов за счет вмешательства извне (гуманитарных интервенций) и пр. Очевидно также, что различные направления и модели евразийской интеграции — экономической, политической, культурной либо военной — могут в большей степени, нежели другие интеграционные проекты, гарантировать центральноазиатским государствам и России сохранение их суверенитета, возможность противостоять разнообразным внутренним и внешним угрозам, вызовам и рискам.

Литература

1. Всемирный экономический форум: страны БРИК теряют конкурентоспособность // Финмаркет. — 2013, 5 сентября // <http://www.finmarket.ru>.

2. Владимир Путин: Перед мировой экономикой возникли новые риски // Радио Голос России. — 2013, 5 сентября // <http://rus.guvr.ru/news>.

3. Политолог: Проблема передачи власти в Центральной Азии опаснее исламистов. Интервью известного эксперта по Центральной Азии Алена Делетро Deutsche Welle, опубликовано на сайте русской редакции DW 25 октября 2013 г. // <http://dw.de/p/1A5fS>.

Ситуация в Афганистане и ее влияние на безопасность в Центральной Азии

Белокреницкий В.Я.

Современная ситуация в Афганистане двойственна. С одной стороны, она достаточно стабильна. Экономика, по официальным данным, с 2001 г. продолжает подъем, в прошлом году рост ВВП составил 12%, но подъем базируется в основном на внешних источниках. За 2003—2010 гг. Афганистан получил от доноров более 67 млрд долл. США. За последующие три года стране выделили, очевидно, еще более 20 млрд, и в целом за весь период Кабул получил около 100 млрд долл. США. Однако, по распространенным оценкам, 40% помощи возвращается окольно государствам-донорам, а значительная часть полученной помощи расхищается. Все же благодаря внешнему фактору определенные успехи были достигнуты в строительстве дорог и средств коммуникации, жилищном строительстве в городах, некоторых отраслях местной промышленности и в сфере услуг, в том числе в образовании, включая женское.

С другой стороны, уровень жизни основной массы населения остается крайне низким. Душевой доход по ППС равен примерно 1 000 долл., а по обменному курсу — 600 долларов. Официально более трети людей находится за чертой бедности, безработица охватывает 36% рабочей силы. Препятствиями для развития остается крайне низкая собираемость налогов, высокий уровень коррупции, неэффективность государственной машины. Импорт превышает экспорт в три раза, за счет импорта, составляющего 65% от ВВП, обеспечиваются почти все инвестиции, удовлетворяется значительная часть потребностей государства и частных лиц.

Национальное хозяйство в целом остается по преимуществу аграрным, традиционным, в ряде обширных районов оно базируется на выращивании опийного мака, сборе конопли и использовании доходов от продажи наркотического сырья. К дуализму городской экономики и экономики сельской добавляется дуализм легальной и нелегальной, черной или серой экономик.

Та же двойственность характеризует положение в сфере безопасности. С одной стороны, ситуация вроде не так и плоха. Крупных боевых столкновений за последние годы не происходило (последние бои иностранных войск с талибами были в 2006 г.), но число жертв от терактов значительно и стабильно растет. За первую половину текущего года погибло, по данным ООН, 1 319 афганцев, что на 23% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Как оценить этот рост, учитывая, что ответственность за поддержание безопасности по большей части уже перешла в руки местных сил — национальной армии, спецслужб и полиции. В чем причина столь небольшого увеличения активности талибов — в их тактической уловке, нежелании раскрыть свои карты и потенциальную силу? Оставляют вопросы и участвовавшие в последнее время сообщения о переходе отдельных групп боевиков на сторону правительства.

Двойственностью отличается также политическая ситуация в Афганистане и международное положение страны.

С одной стороны, продолжается на поверхности явление хорошо организованный политический процесс, раз в пять лет происходили выборы президента и парламента. Очередные президентские выборы назначены на 5 апреля 2014 г. Создана Независимая избирательная комиссия. Заявки на участие в выборах принимались до 6 октября сего года — их подали 26 человек. По последним данным, Комиссия отвергла 16 кандидатов, оставив 10 наиболее известных персон. К

16 ноября должен быть сформирован окончательный список. Его может откорректировать специальная Комиссия по жалобам. При отборе кандидатов отсеивают политиков с двойным гражданством и подозреваемых в нем.

Среди подавших заявку на участие в выборах наиболее известными являются, пожалуй, один из бывших лидеров моджахедов Абдул Расул Сайяф и экс-министр иностранных дел д-р Абдулла Абдулла. По распространившимся в одно время слухам, человеком Карзая среди кандидатов является ушедший недавно в отставку министр иностранных дел Залман Расул. Заявку подал также брат Карзая — Каюм, хотя президент его, как будто, отговаривал, а также бывший министр финансов Ашраф Гани Ахмадзай.

Таким образом, демократический процесс выборов запущен. Однако значительная часть населения, прежде всего сельского, отчуждена от власти, и на нее, на ее недовольство коррупцией, бюрократизмом, увеличивающимся разрывом в доходах и стандартах жизни, сохранением традиционного деления на привилегированные племена, кланы и лишённые привилегий социальные группы опирается непримиримая оппозиция — талибы и другие боевики-джихадисты.

Международное положение тоже двусмысленно. С одной стороны, властям в Кабуле оказывается всяческое международное содействие, об экономической стороне этой поддержки уже шла речь выше. С международно-политической точки зрения режим пользуется полным признанием. Первый круг помощников и доброжелателей охватывает США, их союзников по НАТО, Японию, богатые арабские государства. Второй круг включает почти все соседние и территориально смежные государства. Среди последних наиболее крупными являются Россия, Казахстан, Китай, Индия и Саудовская Аравия. Непосредственные соседи — Пакистан, Иран, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан — все также друж-

но выступают за нынешние власти в Кабуле. Регионально-международные организации — Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества — тоже едины в поддержке нынешнего афганского режима. Как и, разумеется, ООН и все международные структуры безопасности и развития.

И вместе с тем подпольная, невидимая, сфера международных отношений — против Кабула. Она формируется из двух частей — негосударственных игроков, экстремистских, террористических организаций, «Аль-Каиды» и подобных ей, а также из части секретных служб некоторых государств, которые имеют свою повестку дня в отношении Афганистана, преследуют свои цели, не совпадающие с целями поддержки нынешней структуры и формы власти.

Международное положение для Афганистана было долгое время благоприятным, но меняется в худшую сторону и, скорее всего, будет ухудшаться и в дальнейшем. Постепенно сократятся финансовые потоки, направляемые в Афганистан, уменьшится численность советников и консультантов, присутствие которых обеспечивает часть активности на внутреннем рынке, сократятся программы помощи неправительственных организаций и т.п. Это может дать небольшой позитивный эффект, так как сделает экономическое развитие менее искусственным, но если вслед за иностранцами из Афганистана станет уходить национальный бизнес, усилится уже начавшийся процесс бегства интеллигенции, представителей городских средних слоев, то ситуация превратится в необратимо тяжелую.

Впрочем, после ухода Запада можно ожидать роста активности незападных государств, не заинтересованных в катастрофическом ухудшении обстановки. Может, в частности, существенно усилится активность Китая, а также Индии и не в последнюю очередь России. Видимо, увеличится роль

других стран ШОС, в том числе Казахстана, и самой Шанхайской организации, а также ОДКБ.

Суммируя, вновь обращаю внимание на двойственность ситуации и перспектив ее изменения. Этот дуализм сказывается и на прогнозах, которые непосредственно касаются безопасности Центральной Азии. Вырисовываются в основном два сценария, которые можно охарактеризовать как плохой и очень плохой.

Первый сценарий предполагает, хотя и необязательно, выполнение одного предварительного условия — заключения соглашения между США и нынешними властями в Кабуле о стратегическом партнерстве, включающем сохранение определенного количества американских войск на территории Афганистана после декабря 2014 г. В их задачу не будет официально входить проведение боевых и контртеррористических операций. Они будут помогать в обучении национальной афганской армии и сил безопасности, включая полицию, повышать их способность отражать угрозы со стороны противника, то есть талибов и их союзников, сети Хаккани, отрядов «Хезб и-Ислами», партии Хекматияра, пакистанских талибов, интернациональных экстремистов, в том числе из Центральной Азии, Китая и даже России.

Главным препятствием для оставления военных баз и относительно небольшого контингента американских военнослужащих (от 6—8 до 14 тыс. чел.) служит вопрос об экстерриториальности граждан США, то есть о невозможности привлечь к ответу афганским правосудием. Президент Карзай отказался решать этот вопрос и выносит его на предстоящую в ноябре Лойя Джиргу (Большую джиргу) — Собрание народных представителей страны. Наиболее вероятно, что Джирга одобрит соглашение и американцы, а вслед за ними, возможно, и некоторые другие страны НАТО станут помогать в укреплении безопасности режима, фактически смогут

подпирать его некоторое время с целью не допустить мгновенного обрушения.

Но правящий в Кабуле неталибский режим и при этом сценарии не сможет осуществлять контроль над всей территорией страны. Он и ныне не владеет ситуацией в большинстве стратегически важных сельских территорий юга и востока страны: в наименее развитых и пустынных округах провинций Кандагар, Гильманд, Заболъ и Урузган — на юге, горных областях Большой Пактии, Кунара и Нуристана — на востоке.

Считается, что под властью талибов ныне находится 40—60% сельской местности Афганистана.

При первом варианте контроль Кабула будет и дальше слабеть, а сфера реального контроля талибов — расширяться. Контроль над городами на среднесрочную перспективу останется за нынешними властями и их наследниками, но между ними и талибами будет идти напряженная, с переменным успехом, жесткая и упорная борьба, перемежающаяся попытками договориться о дележе власти. Не исключена «талибанизация» режима с включением в ее состав видных деятелей движения «Талибан». Но полную талибанизацию предполагает сценарий номер два. Согласно же первому сценарию, относительно нормальная мирная жизнь будет сохраняться в отдельных наиболее крупных городах пуштунского юга и востока страны, продолжится нормализация на западе в Герате, в центре, в Хазараджате, на узбекском севере и таджикском северо-востоке. В зависимости от остроты борьбы с талибами, нормализация будет более или менее устойчивой.

При первом сценарии возможности талибов и их союзников из числа крайних исламистов распространить свою пропаганду и вооруженную активность вовне, в отдельные республики Центральной Азии, останется ограниченной. Разумеется, какие-то осложнения они могут вызвать, ведь уже

сегодня известно о деятельности проталибских радикальных подрывных вооруженных групп в Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане и даже на юге Казахстана. Наиболее крупной среди них является ИДГ (Исламское движение Туркестана, бывшее ИДУ), но известно еще о не менее десяти экстремистских организаций, включая «Хизб ут-Тахрир», Союз «Исламский джихад» и др. Они, несомненно, представляют угрозу безопасности, с которой приходится считаться. Вероятно, что при этом варианте ситуация в перспективе ухудшится, но катастрофического характера это ухудшение иметь не будет.

Второй сценарий — катастрофический. Он не обязательно связан с провалом переговоров о заключении соглашения между Вашингтоном и Кабулом, но отказ от заключения соглашения, по-видимому, обострит положение в Афганистане, вызовет падение морали среди сторонников режима Хамида Карзая, сворачивание ими своего бизнеса и бегство из страны. Талибы в этих условиях не удовлетворятся частью властного пирога и попытаются возродить свою власть над Кабулом. Ситуация тогда вернется к положению середины 1990-х гг. Задачей талибов станет контроль не только над Джелалабадом и Кандагаром и, главное, Кабулом, но и подчинение Запада, Центра и Севера. Промежуточный вариант при этом — фактический раскол, фрагментация страны с образованием талибских анклавов власти («исламистских княжеств») на Юге и Востоке, отделением находящегося под иранским влиянием Запада, а также самостоятельных до определенной степени Севера и Северо-Востока.

Полная или частичная талибанизация Афганистана выведет талибов на границы с государствами Центральной Азии, их союзники, прежде всего из числа узбекских боевиков, попытаются перейти границу и «взорвать» ситуацию по другую сторону от Амударьи. Наступление талибов может

вызвать волну беженцев и неминуемо втянет в конфликт соседей Афганистана и союзные с ними государства. На фоне кризиса в ряде стран региона будут предприняты попытки ослабить светский характер режимов, туда начнут все более активно проникать радикальные исламские проповедники, не исключено, что борьба между светскими и религиозными силами будет сочетаться со сложной игрой политических ревизионистов и ирредентистов, в первую очередь в ареале Узбекистан — Таджикистан.

Второй сценарий предполагает также осложнение обстановки в Южной Азии. Джихадизация Афганистана, безусловно, вызовет осложнение политической ситуации в Пакистане. Правящие круги этой страны, вероятно, попытаются направить энергию радикальных сил против Индии, попробуют подорвать стабильность в индийском Кашмире.

В заключение для полноты картины отмечу, что, помимо плохого и катастрофического просматриваются и более благоприятные сценарии развития событий, но так как их реализация не будет угрожать безопасности Центральной Азии, то рассматривать их здесь не будем.

Российско-казахстанское оборонное партнерство: путь к стабильности в Центральной Азии

Грозин А.В.

Планируемый вывод войск США и их союзников из Афганистана в 2014 г. означает, по мнению большинства экспертов, существенное усиление проблем безопасности Центральной Азии. В этой ситуации российско-казахстанское сотрудничество в сфере безопасности становится одним из основных способов борьбы с усилением вызовов и угроз в регионе.

Центральная Азия на пороге больших перемен. До конца 2014 г. Афганистан покинет основная часть войск коалиции США и стран НАТО. Вывод войск США из Афганистана может привести к масштабной дестабилизации этой страны — наподобие той, что имела место в 1990-е гг. после прекращения помощи Москвы правительству Наджибуллы. Далее регион подстерегают многие угрозы: распространение исламистского терроризма, увеличение и без того немалого наркотрафика и т.д.

Схожесть угроз, с которыми сталкиваются Москва и Астана, и наличие традиционного взаимопонимания между народами и политическими элитами двух стран превращают российско-казахстанское сотрудничество в основную «ось» обеспечения региональной безопасности. *Ключевыми взаимосвязанными инструментами реализации этого сотрудничества являются ОДКБ и евразийская экономическая интеграция.*

Разумеется, это не означает, что России и Казахстану не следует в рамках собственных многовекторных политик сотрудничать в решении центральноазиатских проблем с дру-

гими государствами мира. Однако не стоит забывать о том, что за пределами постсоветского пространства, особенно в условиях глобального экономического кризиса, никто не проявляет готовности решать проблемы безопасности Центральной Азии.

Ограниченность ресурсов США и переориентация усилий Вашингтона на Азиатско-Тихоокеанский регион, объявленные основным приоритетом, указывают на то, что у американцев нет свободных ресурсов для поддержания стабильности в Центральной Азии. Все дипломатические усилия США в настоящее время направлены на то, чтобы найти какие-либо силы, которые «заменят» собой американское присутствие в регионе.

Погрызший в экономическом кризисе Евросоюз традиционно не занимается «жесткой безопасностью».

Китай как вторая после США потенциальная сверхдержава мира пока не проявляет большого интереса к обеспечению безопасности в Центральной Азии. Его усилия в рамках ШОС и различных двусторонних проектов направлены, прежде всего, на экономическое сотрудничество, пресечение распространения трансграничных угроз из ЦАР на территорию самой КНР и на усиление контроля над регионом при помощи инструментов экономического влияния.

У России есть исторические, географические, экономические, культурные основания быть ведущим игроком в Центральной Азии.

Для России Казахстан представляет одно из приоритетных направлений ее внешней политики в ближнем зарубежье, что обусловлено рядом геополитических, экономических и военных факторов. Казахстан имеет общую границу с Российской Федерацией на протяжении 6 400 км. Через территорию Казахстана проходят наземные коммуникации, соединяющие Россию с центральноазиатскими республиками,

а также с Китаем. Основой отношений России с Казахстаном являются Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 г. и Договор о военном сотрудничестве от 28 марта 1994 г., соглашения об аренде Россией казахстанских полигонов, о статусе российских воинских формирований, находящихся на территории Республики Казахстан.

В условиях нарастания тревожных тенденций в пространстве Евразии на фоне кризисов мировой экономики и появления новых для постсоветского пространства вызовов, дальнейшая выработка взаимоприемлемой линии поведения России и Казахстана и в отношениях друг с другом, и в связях с другими государствами становится насущной необходимостью.

Подобными мероприятиями, способными переломить негативные тенденции, могли бы быть: активизация военно-технического и военно-политического сотрудничества; дальнейшее развитие двусторонней интеграции в сфере экономики и финансов; культурно-информационный обмен; более глубокое сотрудничество в области образования и науки.

Отдельным, особо значимым элементом сотрудничества России и Казахстана сейчас становится именно *активизация военно-технического и военно-политического сотрудничества*.

Центральная Азия представляет собой остропроблемный регион, напряженность в котором возрастает. Властям государств региона пока удается удерживать ситуацию в рамках относительной стабильности. Вместе с тем тревожные симптомы в каждой из стран и регионе в целом становятся все более ощутимыми.

В принципе для развития интеграционных процессов в сфере оборонного партнерства России и Казахстана имелись и в целом сохраняются все необходимые политические,

экономические и организационно-правовые предпосылки. Учитывая геополитическое значение стран СНГ, нет сомнения, что они должны быть центром стратегического влияния России, включая наращивание связей в области ВТС, имея в виду не только торговлю вооружениями и военной техникой, но и другие многочисленные направления ВТС, определенные статьей 1 Закона о ВТС, включая военную помощь, подготовку и обучение кадров, а также создание совместных предприятий по производству современной военной техники прямого и двойного назначения. Это тем более актуально, что именно сейчас территория постсоветского пространства, омываемая двенадцатью морями и тремя океанами и расположенная в самом центре евразийского континента, становится главным полем геополитической борьбы крупнейших мировых держав.

Близкий уровень качественной составляющей оборонного потенциала двух государств, схожесть военных доктрин, единообразие военной инфраструктуры (включая систему командования, ПВО, систем управления войсками и т.д.), наличие на территории Казахстана ряда ключевых объектов бывшей Советской Армии значительно облегчают партнерство двух государств в оборонной сфере.

Однако процессы дезинтеграции также являются серьезным фактором, существующим фактически параллельно с интеграционными шагами Астаны и Москвы. В силу этого требуются скорейшие двусторонние меры по стабилизации обстановки.

Наиболее реалистичной, на наш взгляд, является более тесная интеграция военных систем двух стран. В первую очередь это, безусловно, система ПВО: соглашения о сотрудничестве в этой сфере уже подписаны, необходимо их неукоснительное, детальное и постоянное исполнение обеими сторонами.

Министры обороны Республики Казахстан и Российской Федерации Адильбек Джаксыбеков и Сергей Шойгу 30 января 2012 г. в Астане подписали Соглашение о создании Единой региональной системы противовоздушной обороны*. Позже, во время общения с прессой, Шойгу заявил, что это соглашение предполагает в дальнейшем создание и единой системы противоракетной обороны.

Как для России, так и для Казахстана потенциальной угрозой является ухудшение международной обстановки в Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Поскольку ряд стран этих регионов обладают ОМП и средствами его доставки (или близки к этому уровню), то создание и укрепление системы (как минимум) раннего оповещения являются насущной необходимостью. В силу этого требуется провести определенную подготовительную работу, связанную с повышением уровня сотрудничества между системами ПВО/ПРО двух стран, проведение совместных учений (причем систематическое).

Необходимо отработать механизмы переброски группировок войск к южным границам региона. Данное взаимодействие позволит решить комплекс проблем, связанных с ситуацией в Афганистане.

Принципиально важным является в целом военно-техническое сотрудничество (ВТС): восстановление связей национальных ОПК, обмен технологиями двойного назначения, участие новейших типов российской техники в переоснащении казахстанской армии (особенно в ВВС и ПВО).

Общественное мнение России и Казахстана должно воспринимать это сотрудничество не как получение одной из сторон необоснованных выгод за счет партнера, а как взаимоприемлемое и взаимовыгодное партнерство на паритетных началах.

* Стоит отметить, что такой уровень партнерства у России до этого имелся лишь с Беларусью.

Стороны должны проводить совместные военные учения, осуществлять подготовку и переподготовку командного состава, оптимизируя структуру управления своими ВС.

Возможным начальным этапом в новом уровне интеграции и ВТС может стать создание двусторонней комиссии по региональной безопасности между Советами безопасности двух стран. Такая комиссия позволила бы, с одной стороны, сблизить национальные военно-стратегические концепции, с другой — стать рабочим органом по координации военно-технического сотрудничества.

Самостоятельные контакты стран СНГ, в том числе центральноазиатских государств, с государствами вне Содружества наносят реальный ущерб военно-политическим и коммерческим интересам России. В общем плане такой ущерб проявляется в следующем:

- распродажа оружия по заниженным ценам сбивает цены на аналогичную российскую продукцию;
- укрепление связей в военно-экономической области со странами «дальнего зарубежья» создает необходимую базу по его обслуживанию, ремонту. Тем самым сокращаются перспективные рынки для российских ВВТ.

России, Западу, Китаю и другим игрокам на мировом рынке вооружений выгодно расширение военного сотрудничества с Казахстаном не только в геополитическом, но и в сугубо прагматическом плане. Расходы на оборону в Казахстане составили на предкризисный 2007 г. около 1,22 млрд долл. США и в течение 2008—2011 гг. медленно увеличивались. Это неплохие деньги для модернизации армии, так что иностранные ОПК (в первую очередь российский) имеют возможность получать новые заказы. Накануне кризиса Астана заявила о намерении в ближайшие годы удвоить данный показатель.

Сейчас основным поставщиком оборонной продукции для стран ЦА (в первую/основную очередь Казахстана) яв-

ляется Россия, но ежегодно ее экспортные заказы уменьшаются. Без реализации государственной стратегии стимулирования партнерства ОПК РФ и стран ЦА соответствующими государственными институтами сторон имеется опасность дальнейшего и окончательного разрыва связей наших оборонных комплексов.

Анализ взаимоотношений России с Казахстаном в военно-политической и военно-технической областях позволяет сформулировать *некоторые рекомендации*, выполнение которых могло бы способствовать укреплению военной безопасности двух стран.

К рекомендациям *теоретического характера* могут быть отнесены следующие:

- необходимо продолжить исследование различных аспектов военно-политических отношений РФ, КНР и НАТО с РК и другими государствами ЦА, что позволит не только полнее изучить состояние и перспективы этих отношений, но и прогнозировать с большей долей вероятности развитие военно-политической обстановки в регионе;
- учитывая особую значимость Центральной Азии для России, напряженность и конфликтогенность региональной ситуации, перспективной, на наш взгляд, представляется координация исследований по различным аспектам военной политики государств ЦА на базе одного из научно-исследовательских учреждений МО РФ.

По проблемам совершенствования военно-политических отношений России с Казахстаном может быть сформулирован ряд предложений *практического характера*:

- необходимо активизировать усилия МО РФ по сближению с РК. Субъектам, ответственным за выработку и проведение военной политики России, необходимо предпринимать специальные усилия для того, чтобы играть активную роль в регионе. Наблюдаемое в некоторых случаях дистанцирова-

ние России от активного участия в военно-политической деятельности региона в будущем может обернуться серьезным ущербом для российского государства;

- дальнейшее развитие системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве (ОДКБ) с обязательным участием России — необходимо совершенствовать механизм применения Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ (КСОР);

- для оснащения казахстанской, киргизской и, возможно, таджикской армий необходимо производство современных средств связи, автоматизированных систем управления (АСУ), радиоэлектронной борьбы (РЭБ), боеприпасов к стрелковому оружию и артиллерийским системам, кораблей, БПЛА. Именно на эти направления оборонного партнерства с Астаной, Бишкеком и Душанбе следует обратить внимание российской стороне. В данной связи, *вероятно, стоит рассмотреть возможность создавать в кооперации с оборонщиками стран ТС не только сервисные центры под данные вооружения, но и предприятия с полным циклом производства.*

Учитывая то, что предстоящее существенное сокращение военного присутствия Запада в Афганистане создаст в регионе ЦА «вакуум силы», приоритетным и политически выигрышным моментом выглядит сегодняшняя политика России по дальнейшему развитию и углублению ВТС со странами, входящими в *Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ)*, роль которой (а также России и Казахстана как ее основных членов в регионе) как гаранта обеспечения безопасности Центральной Азии, а в перспективе и общеевразийской безопасности значительно возрастает.

Основными силовыми инструментами, которые ОДКБ может непосредственно использовать на центральноазиатско-афганском направлении, являются *Коллективные силы*

быстрого развертывания (КСБР) и Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР). Уже в настоящее время сценарии учений КСБР и КСОР строятся на отражении предположительных прорывов с юга отрядов террористов.

Дополнительно к этому, с целью развития «пояса безопасности» по границам стран ОДКБ с Афганистаном, может использоваться создаваемый *миротворческий потенциал ОДКБ.* Использование миротворческого потенциала ОДКБ связано со стратегией совместного «кризисного реагирования», получившей развитие на декабрьском (2010 г.) саммите ОДКБ и неформальном саммите в августе 2011 г.

В рамках политики парирования вызовов на максимальном дальних рубежах и с учетом роста угроз России (прежде всего, по линии ОДКБ) желательно существенно увеличить затраты на поддержку модернизации Вооруженных сил и силовых структур государств ЦА. Казахстан, экономика которого составляет порядка 2/3 ВВП всей Центральной Азии, также может внести вклад в обеспечение региональной безопасности. Приоритетом при этом должно быть укрепление военных инструментов ОДКБ.

Можно полагать, что в перспективе Казахстан останется одним из основных партнеров России по ОДКБ. Астана интересуется новыми типами и видами российских вооружений. Это — совершенствование системы ПВО, внедрение автоматизированных систем управления войсками и оружием, создание современных военно-морских сил на Каспии. И по всем трем направлениям ведутся интенсивные переговоры. Как отметил заместитель директора ФСВТС России К. Бирюлин, Казахстан может стать одной из первых стран, на вооружение которой поступят новейшие зенитные ракетные системы С-400 «Триумф», но после того, как ими будут обеспечены Вооруженные силы России [1]. На выставке KADEX 2010 Россия и

Казахстан договорились о создании совместного предприятия в Уральске по ремонту двигателей боевых самолетов Су-24, Су-27 и МиГ-29. Ведутся переговоры о создании совместного предприятия по ремонту и модернизации бронетехники, а некоторые субъекты ВТС уже разрабатывают технику по требованиям Казахстана (конструкторы ЦМКБ «Алмаз» на выставке показали модель малого ракетно-артиллерийского корабля проекта 20970 «Катран», специально созданного по требованиям ВМС Казахстана). В настоящее время реализуется двусторонний проект строительства данного малого корабля на базе казахстанского предприятия «Зенит» (Уральск).

Другими значительными направлениями российско-казахского сотрудничества является закупка бронетанковой и авиационной техники, а также модернизация вооружения, оставшегося с советских времен. По экспертным международным оценкам, техническое состояние казахстанских Вооруженных сил не во всем соответствует современным потребностям обороноспособности и безопасности государства. Например, парк военно-транспортной авиации не вполне обеспечивает выполнение задач по переброске войск и грузов. Несмотря на проводимую модернизацию с использованием разработок российских и белорусских производителей, а также совместных программ с зарубежными компаниями, ресурс советской военной техники, которой преимущественно оснащены ВС Казахстана, близок к завершению, не говоря о ее моральном старении [2].

Таким образом, в сложившейся сейчас в Центральной Евразии геополитической ситуации развитие сотрудничества России и Казахстана как по линии ОДКБ, так и по линии евразийской интеграции может стать основным инструментом комплексной борьбы с трансграничными угрозами безопасности, прежде всего, с религиозным экстре-

мизмом, терроризмом, наркотрафиком и неконтролируемой миграцией.

Литература

1. Мозговой А., Будеева Т. KADEX 2010: успешная премьера // Национальная оборона. — 2010. — №7.
2. Лихачев М. Где закупает оружие член ОДКБ Казахстан? // Новости-Казахстан. — 2013, 6 июля // <http://newskaz.ru>.

Сведения об авторах

Башмаков А.А. — депутат Сената Парламента Республики Казахстан, доктор экономических наук

Белокреницкий В.Я. — заместитель директора Института востоковедения РАН, доктор исторических наук

Грозин А.В. — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Додонов В.Ю. — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор экономических наук

Дынкин А.А. — директор ИМЭМО РАН, академик

Кузнецов А.В. — заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН

Малышева Д.Б. — заведующая сектором ИМЭМО РАН, доктор политических наук

Михеев В.В. — заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН

Мухамеджанова Д.Ш. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук

Притчин С.А. — младший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Рахматулина Г.Г. — советник Секретариата члена Коллегии (министра) по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии, кандидат экономических наук

Рогожина Н.Г. — ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор политических наук

Спринчан В.И. — заместитель директора 3-го Департамента стран СНГ МИД РФ

Султанов Б.К. — директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук

Чуфрин Г.И. — член Дирекции ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН

Якубаев Э.М. — советник-посланник Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта сегіз ғылым докторы, алты ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 20 жылдық қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Казахстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, АҚШ-тың, Германияның, Жапонияның, Иранның, Қытайдың, Пәкістанның, Ресейдің, Түркияның, Үндістанның, Францияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,
Достық даңғылы, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

**Информация о Казахском институте
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан**

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают восемь докторов наук, шесть кандидатов наук, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За 20 лет деятельности в институте было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов. Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 года и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые

из Германии, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Японии и др.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,
пр. Достык, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

**About the Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic of Kazakhstan**

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan, and public administration agencies of Kazakhstan.

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes eight doctors and six candidates of sciences, who specialize in political science, history, economics and sociology.

During the twenty-year functioning the KazISS have published more than 250 books on international relations, global and regional security. The Institute publishes three journals: the *Kogam jane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website; in Kazakh, Russian, English.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) on the issues of security and cooperation in Central Asia participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Pakistan, Japan, the USA and other countries.

The KazISS is the basis for professional practice work of both students from the leading Kazakhstan universities and fellowship of the experts of foreign research institutions.

The KazISS provides the premise where its employees have all opportunities to improve their expertise.

Contact us for any further information:

The Dostyk Avenue, 87 'b'

050010, Almaty

Republic of Kazakhstan

Tel: +7 (727) 264-34-04

Fax.: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

**ДВУСТОРОННИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
КАЗАХСТАНА И РОССИИ**

*Материалы VII научно-практической конференции
КИСИ — ИМЭМО
(г. Москва, 29 ноября 2013 г.)*

Редакторы **Н.И. Шестакова, Г.А. Цай**
Дизайн обложки **ТОО «Sakura Print»**
Верстка **А.А. Жумагалиева**

Подписано в печать 25.11.2013. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 10,25.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, г. Алматы, пр. Достык, 87^{«б»}.

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы